

Ведун

Александр Проzorов

Тень война

«Автор»

2005

Прозоров А. Д.

Тень воина / А. Д. Прозоров — «Автор», 2005 — (Ведун)

Он пришел из нашего мира... Его называли... ВЕДУН! Человек предполагает, судьба решает. Олег Середин хотел отправиться в Новгород – а попал в маленькое городище в верховьях Дона, хотел уничтожить обычную мавку – а оказался вынужден сражаться с половецкой ордой, хотел найти ночлег – а в итоге лишился души. И только решительность да отвага, и верный, остро отточенный клинок, подкрепленный древними чарами способны вернуть ему свободу и честь.

© Прозоров А. Д., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Дом у дороги	5
Череп любовника	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Прозоров

Война

Дом у дороги

Длинные белые кудри были восхитительны. Шелковистые и блестящие, они развевались на ветру, переливаясь, словно речная рябь под яркими солнечными лучами. Ее волосы были просто великолепны – вот только украшали они две гиеньи головы на сером мохнатом теле размером с овцу, дополненном парой широких кожистых крыльев. Гаишник, над которым промчалась тварь, от изумления замер, глупо открыв рот, а нечисть описала крутой вираж вокруг стеклянной будки поста ДПС и ринулась в новую атаку.

– Ква... – выдохнул Олег, чувствуя, как наливается жаром примотанный к запястью серебряный крест, сигнализируя о приближении нечисти, и резко наклонил влево мотоцикл, выкручивая рукоять газа.

Заднее колесо сорвалось в пробуксовку, «Иж» стремительно развернулся вокруг своей оси. Середин отпустил акселератор, выпрямил своего двухколесного друга – и снова до предела открыл заслонку карбюратора, разгоняясь по вечернему, освещенному желтыми фонарями, шоссе.

Стрелка спидометра ушла вправо, едва не уткнувшись в ограничитель, однако тварь скользила по прохладному воздуху быстрее, намного быстрее. Поняв, что уйти не удастся, ведун воткнул нейтраль, со всей силы наступил на рычаг заднего тормоза, чуть наклоняясь в левую сторону. Мотоцикл с визгом развернуло еще раз – вокруг едко запахло паленой резиной. Середин коротко выдохнул, опустил рогатину, направив сверкающий наконечник чудовищу в плечи, как раз между основаниями голов, отпустил поводья и дал шпоры, ощущая в ступнях нестерпимую щекотку. Он фыркнул, брыкнулся и... и открыл глаза.

– Тебе привиделся дурной сон, ведун, – тихо сообщила обнаженная зеленоглазая курносая девушка. У нее были небольшие и аккуратные, словно выточенные ювелиром из лучшего янтаря, ушки с длинными мочками, бледные бесцветные губы, тонкие белесые брови и длинные ресницы.

– Берегиня... – пробормотал Олег, окончательно приходя в себя после ночного кошмара. – Спасибо, что разбудила, а то меня там чуть не съели.

Он зевнул. И тут же засучил ногами под медвежьей шкурой:

– Кто там еще?

– Травяной, – рассмеялась берегиня. – Добудиться я тебя не смогла, как неладное почувяла. Пришлось помощника звать.

Невидимое существо, что крутилось возле ступней, выскользнуло наружу – закачались растущие возле орешника колоски, вздрогнули нижние ветви. Девушка тоже поднялась, бесшумно двинулась к ближним березкам.

– Постой, берегиня! – окликнул ее Олег. – Скажи, куда я заехал?

– Белый луг это, ведун... – послышался голос хранительницы рощи из-за спины, в то время как сама она растворилась среди деревьев перед ним.

Тут же весело застрекотали какие-то пичуги, запрыгнул на волосы и тут же скакнул дальше упитанный зеленый кузнечик, возмущенно всхрапнули лошади. Это означало, что на землю приходит утро и кутаться дальше незачем.

Ведун снова зевнул, сел, отодвинув от себя саблю, откинул край шкуры, сладко потянулся, рывком встал, сбежал по траве к ручью. Войдя по колено, наклонился, ополоснул лицо и шею. На большее решимости не хватило – чай, не май месяц на улице, листопад на дворе. Чуть

выждав, чтобы вода протекла, зачерпнул ладонями, напился. В этом мире, милостью Сварога, не нужно было бояться радиации, токсинов или смытых с полей пестицидов. Просто вода – пей не хочу. А есть в такую рань ему не хотелось.

Погладив стреноженных коней по мордам, Олег сказал им по паре ласковых слов, не спеша оседлал грозно фыркающую гнедую кобылку, потом навьючил на чалого мерина узлы с походным кузнечным инструментом, припасами в дорогу, теплым налатником и меховыми штанами – в общем, всем тем добром, что скопилось у ведуна за время скитаний по бескрайним русским просторам. Подумав, положил в чересседельную сумку подаренную князем Владимиром бриганту, оставшись в войлочном поддоспешнике поверх синей шелковой рубахи, в черных мягких шароварах из овечьей шерсти, заправленных в добротные яловые сапоги, и в неизменной косухе, изрядно потрепанной, но еще живой. В туманном рассветном сумраке в таком виде ему показалось зябко, но ведун знал, что через полчаса-час поднявшийся Ярило согреет землю, и, может быть, еще и косуху придется скинуть. Осень осенью, но до заморозков-то еще далеко.

Разметав еле тлеющие угли костра, Середин опоясался саблей, отошел к орешнику, с поклоном оставил у корней последнюю краюху белого хлеба:

– Спасибо тебе, хозяйюшка лесная, за доброту да ласку, спасибо и вам, малый народец, что покой мой ночью охранили.

Олег оглядел напоследок окруженную березами зеленую прогалину, ставшую на эту ночь его домом, потом решительно поднялся в седло и выехал на дорогу, описывающую дугу аккурат по изгибу бодрого прозрачного ручейка, у которого он и отдыхал.

Утоптаный глиняный тракт трехметровой ширины уперся в грудь валежника, круто отвернул вправо, нырнул во влажную низинку и выбрался уже не в березовую рощу, а в тенистый липовый лес, наполненный жужжанием мух, стрекотом кузнечиков и пением птиц.

– Белый луг, – тихо пробормотал Середин себе под нос, отъехав от березняка метров на триста, и насмешливо хмыкнул: – Белый луг! Да таких названий на каждом погосте¹ по два десятка. Пальцем в небо, что называется...

Милые, конечно, существа эти берегини, заботливые и ласковые, коли с уважением к ним отнесешься, – только вот в познаниях дальше своей рощицы, луга или опушки никогда не идут. А Олегу хотелось бы определиться как-нибудь поточнее. Ведь уже третий день, как он не встречал на своем пути ни единого селения – в то время как рассчитывал проехать если не Смоленск, то хотя бы Брянск. И ладно, стольные города на пути не попадают – но где все те сотни деревень и хуторов, что должны быть раскиданы на землях густонаселенных средне-русских княжеств?

Собственно, направлялся ведун не в Смоленск, а в Новгород, надеясь отдохнуть несколько зимних недель у купеческого сына Любовода, с которым сдружился в самом начале своего пути, на Лугу завернуть, могилу Рюрика навестить. А то меж боярами слухи пошли, что какие-то чудеса вокруг нее теперь творятся. Ночью будто бы видения случаются, днем завывания какие-то изнутри слышны. Любопытно.

Боярин Радул советовал прямую дорогу – из Киева на Чернигов, а дальше не через Полоцк, а по Смоленскому тракту. Середин киевского богатыря послушался, и вот результат: ни одного города на пути не встретил, а последнюю деревеньку четвертый день как миновал. А дальше – ни встречного, ни поперечного не попадает. Хотя дорога наезженная, пользуются ею активно. Прямо как вымерла земля русская.

¹ Погост – единица территориального деления в северной Руси. Позднее – крупное селение с церковью и кладбищем, а примерно с девятнадцатого века – просто кладбище.

Неожиданно примотанный к запястью освященный крестик коснулся кожи теплом, предупреждая о присутствии нехристианской магии, и Середин тут же натянул поводья, оглядываясь по сторонам.

– Небу синему поклонюсь, реке улыбнусь, землю поцелую, – на всякий случай начал он наговаривать защитное заклинание, мысленно закручивая слетающие с губ слова вокруг своего тела, – доверюсь вам по всякий день и по всякий час, по утру рано, по вечеру поздно. Поставьте вокруг меня тын железный, забор булатный, от востока и до запада, от севера и до моря, оттоле и до небес. Оградите меня, сына вашего Олега, от колдуна и от колдуницы, от ведуна и от ведуницы, от чернена и от черницы, от вдовы и от вдовицы, от черного, от белого, от русого, от двоезубого и от троезубого, от одноглазого и от красноглазого, от косого, от слепого, от всякого ворога по всякий час...

Кто его знает, что тут за колдовство творится? А ну как нежить лихая всех людей окрест извела? Так что лучше подстраховаться...

Ведун спешился, просунул правую ладонь в петлю серебряного кистеня, а левой повел в сторону, пытаясь определить, откуда идет воздействие. Крестик нагрелся чуть сильнее, и Олег решительно пересек пыльный тракт, медленно пошел через лужайку меж двух вязов, раздвигая высокую полынь. И вскоре увидел выпирающего из земли чуть выше колена деревянного бородача с кривой ухмылкой на черных губах. Середин облегченно перевел дух: Чур, хранитель границ. Есть, стало быть, жизнь в здешних местах, коли границы кто-то вымеряет. А вот полынь – это плохо. Не часто, видать, сюда хозяева наведываются.

Даров никаких Олег богу оставлять не стал, но траву вокруг из уважения вытоптал, открыв идола свету и всеобщему обозрению.

– Хотя, какое тут «всеобщее»? – поправился Середин, возвращаясь к гнедой. – Коли еще хоть кто проедет, пока трава опять не поднялась, и то хорошо. А то ведь, не зная, и не заметишь тут ничего.

Встрече с хранителем границы Олег предпочел бы простенький указатель типа «До поворота на Новгород осталось сто шестьдесят верст» или «Тула – сто двадцать километров». Но, увы, у каждого времени свои законы. Здешние стежки-дорожки служили скорее не путеводной нитью, а лабиринтом для чужаков. Оно и понятно: земляки дороги знают, а посторонним в русских землях делать нечего.

Глинистая лента проезжего пути тем временем повела влево. Минут десять она тянулась в нескольких шагах от поросшего соснами и ежевикой глубокого оврага, потом отвернула вправо, перемахнула по склизким, покрытым плесенью, бревнам радостно журчащий ручеек, кинулась направо, некоторое время повторяла все изгибы русла, пока не уткнулась в завал из крупных валунов, резко повернула влево и устремилась вверх, по склону пологого холма. Вот и попробуй, угадай – на север, запад или восток ведет этакий извилистый тракт?

Между тем дорога выбралась на широкий, от горизонта до горизонта, зеленый луг, украшенный лишь несколькими полосками густого ивняка и отдельными колками молодых, лет пяти-шести, березок. Хотелось бы верить, что все это – отвоеванные у чащобы пахотные угодья, которые этим годом рачительный хозяин оставил под пар, однако ведун отлично понимал, что никаким кустам, а уж тем более деревьям на возделанных участках вырасти невозможно. Либо косцы первым же годом состригут, либо скот вытопчет. А значит, скорее всего, поля эти не рукотворные, а созданы несколько лет назад банальным пожаром, снесшим под корень несколько километров леса. Так что на близость жилья особо рассчитывать не стоит.

Тракт, не поджигаемый с боков могучими деревьями, расплзся в стороны, вытянулся в прямую линию, и Середин перешел на широкую походную рысь. Разумеется, он никуда не торопился – но грех не воспользоваться возможностью промчаться с ветерком, когда не нужно бояться ни низко вытянутых поперек дороги ветвей, ни резких поворотов. Несколько верст

быстрой скачки – и Олег вдруг увидел впереди росох. Тракт раздваивался на две колеи примерно равной натопанности, смыкающиеся практически под прямым углом.

– Вот те раз... – пробормотал ведун, придерживая скакунов. – Воистину, указатель тут бы явно не помешал.

Он привстал на стременах, повернул голову вправо, влево, словно зеленые стены леса, в которые врезались обе дороги, могли хоть что-то подсказать, потом опять опустил глаза на пыльный перекресток. И неожиданно заметил то, на что поначалу не обратил никакого внимания: полоску примятой травы. Похоже, совсем недавно – стебельки и листья совсем не успели выпрямиться – здесь проехала повозка, выкатившаяся из колеи одним колесом. Стебли показывали слева направо – стало быть, туда неведомый путник и направлялся.

– Отлично, – потянул Олег правый повод гнедой. – За пару часов нагоню. В лучшем случае узнаю, где ближайший постоялый двор. Баньку приму, посплю на постели, припасов докуплю. В худшем – хоть про маршруты здешние расспрошу. А то ведь так до второго пришествия кататься можно.

Тем не менее, давая отдых коням, он всё-таки пустил их широким шагом. В любом случае верховой идет раза в три быстрее тряской телеги, а потому погоня, можно сказать, уже началась.

Дорога вошла в чистый, почти без подлеска, сосновый бор, обогнула огромный, в два человеческих роста, замшелый валун и строго по прямой устремила на восток. По прямой – значит, не дорога выбирала в бору проезжие места, а лес поднялся там, где никто не затапывал молодые побеги.

– Похоже, пожары тут частые гости, – негромко отметил ведун. – Как бы под пал не попасть.

Он поднял голову к облачному небу и тяжело вздохнул. Темные, тяжелые небесные странники предвещали дожди. А при его образе жизни – это самая большая неприятность, какая только может случиться.

За два года неторопливых скитаний Олег Середин успел полюбить этот радостный и безмятежный мир. Здесь ему не нужно было каждое утро вскакивать по будильнику, чтобы потом восемь часов стучать молотком в кузне автопарка, не нужно было помнить о квартплате, техосмотре, дышать выхлопными газами и считать рубли от зарплаты до зарплаты. Острая сабля и вдолбленные в него стариком Вороном заклинания позволяли за одну схватку с нежитью заработать достаточно, чтобы месяц не заботиться о пропитании. Впрочем, нередко за выведенную наговором и зельем хворь, отпугнутых от дома кикимор и рохлей хозяева расплачивались гостеприимством, а кое-где, тряхнув стариной, ведун промышлял и кузнечным ремеслом. Берегини и лесная нежить, еще не распуганные возле больших дорог, берегли его сон; медвежья шкура летом, а меховые штаны с добротным бобровым налатником зимой спасали от холода; многочисленные озера и реки Руси давали спасение от летнего зноя. Потому бесконечный путь не был Середину в тягость: он постоянно подкидывал каверзные загадки, решать которые приходилось нередко с кровью и полным напряжением сил, после чего обычно следовал долгий покой – роздых после очередного приключения.

Единственное, от чего ведун не имел хорошей защиты – это от дождя. Ладно короткий летний ливень или гроза, которые можно пересидеть под густым деревом. Но вот морось, что способна висеть в воздухе бесконечные недели, а то и месяцы... Долгий нудный дождь впитывался в одежду, чавкал в ворсе шкуры, стекал по коже седла, не давал развести огонь, спокойно отдохнуть, превращал сушеное и вяленое мясо в заплесневелый мусор, высасывал соль из сала, заставлял коробиться упряжь. Спасением от подобной мороси могла служить только надежная, добротная крыша. Желательно – с печью и рублеными стенами. А еще лучше – с одинокой хозяйкой. Но подобного припаса на коня не навьючишь, с собой не увезешь. Искать

надобно. Остаться же среди застарелых палов наедине с долгими осенними ливнями Середину отнюдь не улыбалось.

Как назло, на ближайшей прогалине Олег увидел, что ласточки носятся почти над самой землей, намекая на скорый дождь, и, тряхнув поводьями, полностью их отпустил: пусть гнедая сама решает, как быстро способна бежать, он принуждать скакуна не станет.

Лошадка затрусила спокойной рысью. На глазок – километров двадцать в час. Телеги обычно катятся со скоростью пешехода, а значит, неведомых путников он должен нагнать еще до полудня. Перекресток они проезжали сегодня, и большой форы набрать ну никак не могли.

Дорога тем временем пошла вниз, бор сменился тополиным редколесьем, а потом и вовсе низким березняком, каковой произрастает только на болотах – однако тракт оставался по-прежнему глинистым и сухим. Удивиться загадке природы Олег толком не успел, поскольку желтая лента заплеталась между крупными валунами, забираясь на очередной холм, а там в свои права опять вступили сладковато пахнущие липовые заросли.

– По весне тут, наверное, воздух как мед пить можно, – покачал головой Середин, оглядывая уже начавшие облетать кроны. – А запах такой, что без противогаза и не войдешь.

Дорога теперь петляла постоянно, обходя невидимые в густой чаще препятствия, обзор сократился метров до ста, а потому Олег, заметив за очередным поворотом медленно покачивающиеся телеги, еле успел придержать гнедую, чтобы не налететь на обоз на всем скаку.

Путников оказалось немного: пять телег, по два человека на каждой. На третьей тряслись две пухлые румяные девицы лет шестнадцати, в белых платках, красных сарафанах и накинутых сверху овчинных душегрейках. Остальные были ничем не примечательные с виду мужики самого разного возраста – от безусого юноши до седобородого старика, что на задней телеге даже голову не мог повернуть и выкручивался на стук копыт всем телом. В войлочных шапках с длинными наушами, подозрительно напоминающих подшлемники, в полотняных рубахах и темных, заправленных в сапоги, шароварах, кто в душегрейках, а кто без – они походили на обычных пахарей, что отвозили собранный недавно урожай на торг в ближний город, а теперь возвращались домой.

Правда, как отлично знал Олег, русский мужик без топора за поясом и засапожного ножа у ноги за порог не выйдет, а в дальний путь наверняка и кистень с собой прихватит – а потому ведун отвел левую руку назад и быстрым движением перевесил щит с задней луки седла на переднюю. Здесь деревянный диск бил по колену, но зато и схватить его можно было почти мгновенно, да и ногу от случайного удара прикрывал.

Потянув правый повод, Середин прижался к правой кромке тракта и по ней начал обгонять путников, внимательно оглядывая каждого и каждому вежливо кивая:

– Мир вам, добрые люди.

– И тебе того же, мил человек, – степенно ответил старик за себя и сидящего рядом угрюмого круглолицего мужика, лишь слегка склонившего голову в ответ.

– Счастливого вам пути.

– И тебе того же желаем, коли не шутишь, – весело ответил рыжебородый голубоглазый мужик, у которого науши на шапке были подняты вверх и связаны на макушке.

Сидевший рядом с ним мальчишка лет четырнадцати радостно поддакнул:

– Тебе того же и три-сорока больше!

– Счастья вам, красавицы, и да будут благосклонны к вам великая Лада со Сречей...

Девицы в ответ захихикали, глядя друг на друга, и ничего не сказали.

– Пусть Похвист со Стрибогом сделают спокойным ваш путь...

На второй повозке сидели двое крестьян, на первый взгляд показавшиеся Олегу братьями – одинаковые окладистые бороды, карие глаза, светлые волосы, выбивающиеся из-под шапок, широкие плечи, крупные ладони. Даже покосились они на всадника с похожим прищуром. Вот

только кожа на лице у одного была заметно глаже и светлее, чем у другого, и ведун сообразил: отец с сыном.

– Да не оставят они и тебя своим вниманием, прохожий, – окинув Середина сверху вниз внимательным глазом, степенно ответил тот, что старше.

Мужик этот был отнюдь не прост: широкий и толстый кожаный ремень со следами снятых блях больше годился для тяжелого меча, чем для затыкания за него топора или привешивания ложки. Из-под бороды проглядывал, уходя к шее, узкий длинный шрам, который способно оставить только скользнувшее по коже остро отточенное лезвие. Помимо обязательного засапожника, у мужика имелся довольно крупный косарь на поясе – а для этих времен, когда каждый кусок железа чуть не дороже золота ценится, это признак явной зажиточности. Опять же, и едет он на второй телеге – не впереди, чтобы не попасть под удар в случае неожиданности, но рядом. Всегда успеет отреагировать – либо на выручку первой телеге кинуться, либо быстро подойти и вопросы спорные решить. Судя по всему, именно он и считался среди путников за главного.

– Да пока милостью своей не отпускали, – кивнул Олег и потрепал гнедую по гриве, думая над следующим вопросом. Спросить, куда дорога ведет? Как бы за лазутчика не приняли. Спросить, как проехать в Новгород? На смех поднимут, что среди проезжих трактов заблудился...

– С Чернигова я еду, – неопределенно сказал он. – Заскочил в одну деревню, дело оговоренное исполнить, а потом собирался к Новгороду податься. Вот только что-то поворота на север угадать не могу.

– Эк тебя занесло! – изумился тот, что помоложе. – Тебе, мил человек, от Курска али Щигры поворачивать надобно было.

– От Курска? – не поверил своим ушам Середин. – Ерунда какая. Неужели я бы его не заметил?

– Постой, – положил руку на колено сына мужик. – Человек, видать, по Мертвой дороге путь держал. На ней ранее несколько селений стояло, – пояснил он для Олега. – Да мор пожрал всех, будь проклят Чернобог со своими приспешниками. Кто уцелел, новые дома севернее срубили, пути протропили новые. А по Мертвой дороге те ездят, кто с Дона на Киев али Чернигов сильно спешат, али кто людям на глаза попадаться не любит. Вот она и не зарастает. Токмо по сторонам от дороги этой более никто не сворачивает, от и сожрал лес отвороты. Он пустоты не любит.

– То-то я никого из путников там не встретил! – понял Середин.

– И хорошо, что не встретил, – кивнул мужик. – Добрые люди там не ездят. Да-а, далеко тебя занесло. Крюк получится преизрядный.

– То не страшно, – небрежно отмахнулся ведун. – Человек многого желает, а судьба всё едино свою ниточку ведет. Может статься, не просто так меня лешие заморочили, а суждено дело какое в краях здешних совершить. Посмотрим. Вот только как же мне отсель потом к Новгороду вывернуть?

– Вернуться можешь до росоха. Чай, заметил верст десять назад? Коли там свернешь, дня за три к Ельцу выйдешь, от него на Рязань тракт идет. Ну, а там путь к Новгороду найдешь. А хочешь, – взглянул на небо мужик, – вперед скачи. До темноты аккурат к Кшене успеешь. Городище там крепкое стоит. Тиму перемахнешь, а следующая река уж твоя будет. По Кшене вверх тропа узкая имеется. С возком не проехать, а верхом пройдешь. Опять же, к Ельцу река выведет.

– Тогда уж по Олыму лучше подниматься, – встрял в разговор сын. – Там путь натопанней.

– А постоянный двор в Кшене есть? – поинтересовался Олег.

– Есть, – кивнул мужик, никак не реагируя на реплику сына. – Не большой, но одинокому путнику место найдется.

– Спасибо на добром слове, – кивнул Середин и тут же пустил скакунов в галоп. – Удачи вам, путники...

После получаса скачки во весь опор из-под упряжи гнедой стала проступать белая пена – и ведун натянул поводья, переходя на шаг. Если местные пообещали, что до темноты он успеет в городище – наверняка это получится и без лишней гонки.

– Не сердись, – погладил он кобылу по шее. – К реке выйдем – дам вам небольшую передышку. Водички проточной попьете, травки пощиплете.

Липовый лес сменился редким дубровником, между могучими деревьями шелестели на ветру ивовые и ореховые кусты, а кое-где к небу устремлялись, словно выкаченные на стартовый стол ракеты, пирамидальные тополя. Среди туч проглянуло неожиданно солнце, ласточки, словно передумав накликивать дождь, поднялись к вершинам деревьев. А впереди, уже вечером, намечалась горячая баня, мягкая постель, теплая сухая комната, хмельной мед и любая снедь, какую он только вздумает себе заказать. Настроение молодого человека улучшилось, и он даже замурлыкал себе под нос любимую песенку, известную всем поклонникам «Ивасей»:

Если климат тяжел и враждебен астрал,
Если поезд ушел и все рельсы забрал,
Если пусто в душе и не любит никто,
Это значит, это значит, означает это, что:

Пора по пиву, пора, пора по пиву, пора,
Пора по пиву, пора, пора по пиву, пора
Пора по пиву, по пиву, по пиву пора,
С ним не берет мороз и не страшна жара...

Пологий поворот – и Середин осекся на полуслове, увидев перед собой реку. Тима представляла собой неспешный поток желтовато-мутной воды шириной не меньше пятнадцати метров. Дорога ныряла в нее с одной стороны и выбиралась на противоположном берегу, недвусмысленно указывая брод – вот только его глубину нигде и ничто не определяло. С одинаковой легкостью это могло быть и по колено, и по пояс, и по грудь. И если в первом случае можно спокойно ехать вперед, то в последнем – лошадей нужно развьючивать и переносить груз на руках. Не то все сумки насквозь промокнут.

– Повезло вам, хвостатые, – вздохнул, спешиваясь, ведун. – Отдых получится долгий.

Первым делом он отпустил подпруги гнедой и чалому мерину, сорвал пук травы и тщательно отер от пота и пыли их шкуры. Потом напоил и пустил щипать листочки с окрестного кустарника. Сам срезал длинный, с себя ростом, прут, очистил от листьев и веточек. Прошелся вокруг, набрал хвороста, свалил возле самого съезда к воде на утопанную до каменной твердости глинистую колею – дабы живую землю понапрасну огнем не портить. А то ведь Триглава на небрежение и обидеться может. Высек на трут искру, старательно ее раздул, подсовывая тонкие полоски бересты. Когда березовая кора разгорелась – подпихнул ее под сложенные поленницей сухие ветки и начал раздеваться.

Готовился ведун к самому худшему: брод мог оказаться и по горло глубиной. В таких безлюдных местах переправы никто организовывать не станет. Нашли люди место, где хоть как-то перебраться можно, вот и пользуются. Поэтому разделся Середин донага, взял в руки прут и вошел в холодную осеннюю воду, двинулся вперед, прощупывая дно перед собой. Поди угадай в мутной воде, где яма али валун какой в глубине таятся?

Поначалу дно довольно резко пошло вниз, но когда вода поднялась сантиметров на двадцать выше колен, выровнялось. Ступни ощутили под собой нечто плотное и шершавое – то ли слежавшийся песок, то ли и вовсе известняк. Исследовать подробнее Олегу не хотелось – ледяная вода впиалась в ноги, словно щучья пасть, усеянная сотнями крохотных, но очень острых иголочек. С каждым шагом ступни, голени, колени всё больше теряли чувствительность – ведуну оставалось полагаться только на палку, которой он проверял дорогу перед собой, и на то, что перейти на другой берег он успеет раньше, чем ноги сведет судорога.

Немногим выше по течению плеснулось нечто крупное, по воде пошли волны. Середин встал на цыпочки и затаил дыхание, опасаясь, что обжигающий холод достанет до низа живота – но обошлось, волны оказались слишком низкими. В прибрежной осоке кто-то тихо хихикнул, всплеск послышался на несколько шагов ближе.

– А ну, не балуй! – погрозил кулаком неведомой нежити Олег. – Смотри, серебро в воду суну!

Осока в ответ опять хихикнула, но всплески прекратились, и ведун, тыкая перед собой палкой, за пару минут дошел до берега и торопливо выскочил на траву. Резво запрыгал, высоко вскидывая колени для разогрева ног, а когда к ним вернулась чувствительность – развернулся, быстро и решительно преодолел брод в обратном направлении. Его опасения оказались напрасными – вода вряд ли достанет коням до брюха.

Хворост на колее как раз разгорелся высоким огненным столбом, и Олег встал к нему почти вплотную, впитывая всем телом живительное тепло. Повернулся спиной, потом опять животом, боками, равномерно пропекаясь со всех сторон, и отступил, лишь когда вместо холода начал тяготиться жаром. Натянув шаровары и рубаху, достал медный ковшик с закопченной ручкой, зачерпнул из реки воды и поставил на угли – пить некипяченой эту мутную водицу ему никак не хотелось. К тому времени, когда он оделся полностью и отрезал себе несколько ломтей сала, вода как раз закипела. Олег снял ковшик с огня, прожевал свой немудреный и безвкусный, но питательный обед, запил. Затем снова набрал из реки ковш воды, залил остатки прогоревшего костра. Отсек ломтик твердого, как подошва, вяленого мяса, кинул в рот и принялся сворачиваться. Тряпицу с припасом – в чересседельную сумку, ремень с саблей, коротким ножиком для еды и чехлом для серебряной ложки – себе на пояс. В последнюю очередь ведун затянул скакунам подпруги и поднялся в седло. Всё, хвостатые, отдых закончен.

Он пнул гнедую пятками, направляя к реке, и в несколько скачков оказался на другом берегу. Кто бы мог подумать, что для этого секундного рывка придется потратить больше двух часов на подготовку? Однако же – не зная броду...

– Н-но, родимые! – пустил он лошадей в рысь. – Хотите под крышей ночевать – шевелите копытами! Дни ныне уж короткие, а дороги длинные.

По эту сторону лес был древний, дремучий, матерый, с толстенными замшелыми бревнами, рухнувшими в подлесок и поросшими густым зеленым мхом, с непролазными буреломами, которые за первый же час пути дважды огибала дорога, с гнилыми пнями в десятки обхватов, напоминающими могучие скальные выступы. Дорога петляла, точно выбравшаяся на охоту змея, протискиваясь между препятствиями, устранить которые способен только жестокий огненный шторм. Потому что с течением времени взамен сгнивших пней, стволов и буреломов появлялись новые, зачастую уже поверх старых; гнилье и сушняк причудливо переплетались, представляя из себя сплошной, рыхлый, но толстый завал, дороги через который не было ни конному, ни пешему.

Между тем облака окончательно сомкнулись в бескрайний серый ковер, погрузив землю в зловещий сумрак, украв у предметов тени, а небольшие ямки превратив в черные непроглядные колодцы. Упала капля, еще одна, еще. Задрожали от частых ударов листья кустарников, побежали по тракту пыльные водяные шарики. Олег тихо выругался – уж очень он настроился сегодня на хороший отдых, чтобы заканчивать день под затяжным осенним дождем.

– Где же эта обещанная Кшень? – привстал на стременах Середин. Впереди никаких просветов углядеть не удавалось. Ведун поднял глаза к небу, с секунду боролся с совестью, потом решил: – Прости меня, Стрибог. Не из баловства волю твою нарушу, и не на долгий срок. На малое место себе покой ищу, на единый день...

Он прикрыл глаза, сосредоточиваясь на внутреннем, находящемся в области живота, тепле, вытянул его наверх и вскинул руку, вместе с этим жестом выбрасывая импульс в низкие тучи впереди, после чего подогнал и без того спешащих скакунов. Поворот – дорога нырнула в низину. Подковы прогрохотали по жердяному настилу и звонко застучали по камням.

«Однако телегам здесь придется изрядно попрыгать», – мысленно отметил Олег, поднимаясь по небольшому безлесому взгорку... И натянул поводья. Холм представлял собой почти ровный выступ гранитной породы. Причем довольно длинный – не меньше километра. Время смогло растрескать прочную скалу, но в узких щелях удалось пока прижиться лишь отдельным колоскам. Различить на граните колею дороги не смог бы даже Ворон. Одно утешение – дождь остановился, а в том месте, куда ведун посылал свой импульс, даже появился просвет.

– Ква... – вздохнул Олег, натягивая правый повод. – Придется объезжать холм по кругу, пока тракта не найду.

Поиски заняли не очень много времени – но когда Середин снова въехал под кроны деревьев, просвет на небе затянулся, начали падать тяжелые крупные капли, пробивающие насквозь даже войлок поддоспешника, не говоря уж о ткани на рукавах.

Да уж, одинокому бродячему колдуну со Стрибогом не тягаться... И тем не менее, ведун снова выпустил вперед шар из своего тепла – «энергетический импульс», как будет модно говорить спустя десять веков. Очень уж не хотелось ему сушить несколько дней все свои припасы и вещи па ближнем постоялом дворе. Намокнуть – дело быстрое. Избавиться потом от плесени – почти безнадежное. И ведь многого ему не надо. Только до Кшени дотянуть, до крыши над головой. Новый просвет подмигнул синевой неба, разогнал плохое настроение и дождевые капли, медленно пополз куда-то влево с прочими облаками. Дорога обогнула протяженную каменистую гриву и повернула вслед за просветом, стелясь вдоль узкого ручейка, что весело звенел по камням. Чаща наконец разошлась, уступив землю кленам и березам – даже воздух, казалось, стал чище и слаще. Такое ощущение Олег обычно испытывал возле владений берегинь – покровительниц леса и его гостей. Душу кольнуло нехорошее предчувствие. Ручей между тем вильнул куда-то в сторону, но тут же вернулся, разлившись в спокойную заводь. Середин увидел справа от дороги, рядом с водой, широкую поляну с двумя кострищами и натянул поводья.

Интересно, откуда может появиться место для ночлега там, где до города всего полчаса-час пути? Даже если человек что-то не рассчитал, его застали сумерки – не проще ли потропиться к городищу, нежели разбивать бивуак в лесу? Ну, ладно, изредка случаются всякие неприятности – однако правильная полуовальная поляна в березняке с вычищенным от водорослей спуском к воде и внушительными кострищами, зола на которых походила на подушку с ладонь толщиной, никак не напоминала случайное прибежище – это была стоянка, которой пользовались многие поколения людей. И означать она могло только одно: до Кшени осталось еще немало верст, и сегодня ведун туда явно не попадет.

– Похоже, нынче мне не везет, – вздохнул Середин. – Вместо того, чтобы повернуть на Рязань, за обозом погнался, в реке понапрасну мерз, с дорогой обманули, дождь еще не к месту начался... Пожалуй, не стану я искушать судьбу и закончу день здесь. Может, новый окажется лучше.

Он спешил, скинул сумки с гнедой, снял с нее седло, намотал поводья на ветку ближней березы, потом освободил от вьюков и чалого и тут же полез в узелок с травами, торопясь сделать одно важное дело до того, как дождь заморосит снова.

– Болиголов, чистотел, ромашка... – быстро отобрал он по несколько травинок из нужных пучков.

Занимаясь знахарством и магией, Середин во время своих путешествий по ходу дела собирал травы, камни и прочие компоненты, чаще всего нужные при колдовстве – хотя специально за ними не охотился. Но почему, скажем, не сорвать желтую ромашку или лепестки подсолнуха, коли уж встретились, или не подобрать змеиную кожу, раз всё равно попала на глаза, не зачерпнуть горсть куриных перьев, валяющихся возле каждой кухни? Более сложными составляющими ведун в этом мире не заморачивался – но, к счастью, для разгона облаков никакой желчи аллигатора или порошка из кончика буйволова рога не требовалось.

Сложив приготовленные компоненты у одного из кострищ, Середин пробежался по березняку, подбирая хворост. У малолюдных дорог есть очень большой плюс: дрова можно искать недалеко от стоянки, – а потому Олег уже через пару минут вернулся с солидной охапкой валежника, сложил небольшой костерок, запалил. Кинув на траву потник, ведун, подобрав ноги, уселся сверху, нащипал несколько травяных колосков, кинул в огонь для начала ритуала и, покачиваясь, размеренно забормотал:

– Ой ты, гой-еси, небо высокое, земля холодная, тучи черные. За горами высокими, за ярами глубокими, чащобами темными лежит поле светлое. На поле сидит дед железный: ноги каменные, руки деревянные, глаза булатные... – Олег выдернул из костяных ножен небольшой ножичек для еды, свою первую добычу в этом суровом мире, положил на колено. – Не болит у деда голова... – Он подобрал из приготовленных трав болиголов и, теранув им по лезвию, метнул в пламя. – Не зудит у деда кожа... – Он чиркнул о сталь пучок чистотела. – Не летят к деду комары...

Раз за разом, перечисляя возможные недуги и напасти, Середин бросал в костер соответствующие травы, пока заготовки не иссякли. Тогда ведун спрятал клинок в ножны, подобрал перо, сдул следом за травами:

– Лети, птица быстрая, за горы высокие, за яры глубокие, чащобы темные. Сядь на плечо деду железному, шепни в ухо левое: «У меня над костром еда сытная, еда сладкая»... – при этих словах Середин дважды посолил пламя, заставив взметнуться сноп искр. – Пусть кинет на меня взор булатный, на пламя жаркое, на землю холодную, на небо высокое, на тучи черные. Пусть взором своим тучи на куски порежет, да на поле свое покидает. Пусть там будет темно и холодно, а здесь светло и чисто...

Ведун кинул в огонь последние стебли чистотела и с облегчением поднялся. Теперь нужно о настоящих дровах позаботиться, хворостом всю ночь не обойдешься. Лошадей напоить, самому ужином заняться. А подействовало колдовство или нет – видно будет не раньше, чем через час.

К тому времени, когда найденная в сосняке через дорогу сухостоина была свалена, порублена на три куска и перенесена на стоянку, когда над костром повис котел с чистой водой из ручья, а на лошадиных мордах – торбы с ячменем, небо начало потихоньку проясняться. Солнца ведун, разумеется, не увидел – оно, еще скрываемое тучами, наверняка уже касалось горизонта. Но хоть дождя теперь можно было до утра не опасаться.

Олег отрезал ломтик сала, добавил к нему немного сушеного мяса, отнес к кустам, положил с поклоном:

– Не серчайте, жители малые, что покой ваш нарушил. Делюсь, чем могу. Примите мои подарки, поделитесь своим местом. Сон мой защитите, слово злое, взгляд черный от меня отведите.

Разумеется, добродушная лесная нежить больше всего ценила то, чем сама разжиться не могла: хлебушек мягкий, молоко свежее. Но этого угощения Середин и сам давно уже во рту не держал. Трава возле кустарника зашевелилась. Небалованные подарками здешние обитатели обрадовались и тому, что есть. Значит, и сон охранят, можно даже защитного круга не рисо-

вать. Так уж на стоянках издавна заведено – добром за добро платить. Олег зачерпнул из туеска горсть крупянистого сушеного мяса, высыпал в закипевшую воду, добавил две горсти гречи и вытянулся на потнике, подставив бок теплу и глядя в чистое небо, на котором уже блеснули первые звезды. Кто бы мог подумать, что вокруг его костра на удалении всего немногим более километра всю поливают дожди? В общем, спасибо «железному деду».

«Интересно, это так, присказка, или вправду есть некий дух „железного деда“? – неожиданно подумалось Олегу. – Может, я не обряд исполняю, а некоему забытому богу молитву возношу?».

Когда-то, отдыхая в детстве с мамой в деревушке неподалеку от Суздаля, он заметил, что бабулька, их хозяйка, варит яйца крестьясь. Он тогда спросил: почему? «А без молитвы в мешочек никогда сварить не получится, – честно прошамкала тогда бабка. – Три „Отче наш“, и вынимать пора...» Прошло немало лет, прежде чем он, вспоминая те времена, сообразил, что молитва заменяла хозяйке избушки на берегу реки обыкновенный таймер.

Таковыми же были и многие заговоры: они то соединяли в себе рецепты лекарств, то последовательность действий для изменения погоды, правила концентрации своего организма на усиление чувствительности всех органов, на силу и скорость... Но уж слишком часто среди обычных перечислений в наговорах встречались призывы к медным быкам и железным дедам, к хозяевам вод и Алатырь-камню, скрывающему под собой страхи земные и зловещих, но беспомощных ныне мудрецов... Что, если без проявления их милости и силы магия окажется бессильной даже при самом точном исполнении древней рецептуры? Ведь в существовании современных богов тоже сомневаются многие смертные – пока в одну прекрасную ночь не сталкиваются с ними лицом к лицу...

Олега даже передернуло, когда он вспомнил внимательный и манящий взгляд Мары. Вот уж воистину не знаешь, что лучше: получить милость богов или ускользнуть от их внимания.

Но если это так, тогда в большинстве подобных наговоров всегда присутствует элемент неопределенности – а захочет ли «бык» или «старик» исполнять твою просьбу? И опять же такие заговоры невозможно компилировать, как заклятия на приворот, на излечение и защиту от сглаза... Эх, сесть бы сейчас у Ворона в кабинете с бутылочкой пивка да задать ему пару прямых вопросов. Но нет рядом старика, самому нужно разбираться.

До сих пор заговоры получались в любом случае. Может, это действительно просто присказки? А может... А может, старания радуниц – покровительниц родов? Может, все эти «быки» и «деды» – тотемы далеких предков? Тогда они всегда станут помогать потомку своего рода, но не откликнутся на призыв инородца – как бы точно тот ни совершал древние обряды. Так сказать, магическая сегрегация. Исполняемость заклятий по генетическому признаку. Ворон, кстати, прежде чем к себе учеников приблизить, немало их отцами и матерями интересовался, гороскопы составлял...

«Так или не так? – перевернулся с боку на бок Олег. – Вот бы проверить!»

Его размышления прервало близкое конское ржание, стук копыт. Ведун приподнялся на локте и увидел, как по дороге подкатываются уже знакомые пять телег с путниками из Ельца. Воистину, сегодня выдался неудачный день. Верховому от обоза не уйти! Позорище! Теперь все знакомые в спину хихикать станут.

Середин демонстративно отвернулся к костру, помешал разваривающуюся в котле кашу. Покосился на гостей. Путники остановили повозки на краю дороги. Половина начали распрягать лошадей, несколько мужиков сразу двинулись в лес. Девицы принялись развязывать узлы, стелить на землю попоны. Извлекли два котла, зачерпнули воды, расселись на попоны и принялись что-то нарезать. Из-за дороги подошли мужики с валежником. Один остался разводить огонь, двое других двинулись обратно. К тому времени, когда лошади были отерты, напоены и отведены к кустарнику с торбами на мордах, под котлом уже плясал огонь, возле берега лежала

изрядная горка ровных чурбаков, а на попоне, возле которой собрались путники, была разложена первая, легкая снедь. Удобно всё-таки, когда рабочих рук много...

От импровизированного стола поднялась девушка. Кося глазами в сторону и широко улыбаясь, поклонилась:

- Наш кошт тебе добром кланяется, мил человек. Милости просим к нам за общий котел.
- Благодарствую, красotka. У меня, видишь, свой чугунок полон.

Девушка, развернувшись, со смехом убежала, потопталась возле попоны и повернула назад:

– От души к себе приглашаем, мил человек. В доброй компании и пиво пенистее, и хлеб вкуснее.

- Благодарствую, красавица, не хочу зазря беспокоить. Я не голоден совсем...

Насчет того, что не голоден, Середин, естественно, приврал. Но уж таков обычай на Руси – каждого встречного к столу звать, даже если самому куса не хватает. Оттого и не следует сразу на приглашение откликаться. Может, человек из вежливости зовет, а не искренне угостить хочет. Отзываться положено только на третье приглашение – если оно, конечно, последует.

И действительно – девушка села у попоны на свое место. Однако спустя несколько мгновений вместо нее поднялся уже старик, степенно приблизился, шаркая по траве низкими поршнями.

– Нехорошо, мил человек, на одной земле в разных углах сидеть. Всё же мы люди русские, общий хлеб вместе ломать должны.

- Благодарствую, отец, – поднялся навстречу Олег. – Мудрые слова твои, грех перечить.

Отказать старику было бы просто неприлично, а потому Середин подхватил свой котелок и двинулся к соседям по стоянке.

– Доброго вам вечера. Вот, отпробуйте, чем богат. Вам, я вижу, своей каши еще ждать да ждать... – Ведун поставил котелок в центр попоны.

Путники отнекиваться не стали, тут же – кто из сапога, кто из-за пазухи, кто из чехла на поясе – достали ложки и с готовностью запустили их в варево. Олег еле успел сам хоть немного зачерпнуть. Что такое один маленький котелок на десять человек? Только по ложке на нос и досталось. Середин отставил опустевшую посудину в сторону, уже без особого стеснения взял разрезанный пополам хрустящий огурец, присыпанный солью с перцем, ломтик вареной убоины.

– Тебя как зовут-то, мил человек? – поинтересовался кареглазый бородач, что сидел, помнится, на второй повозке.

- Олегом, – кивнул Середин, жуя мясо.

– А меня Захар. Вот сын мой, Коля. Аккурат на Коловорот, Ярилин праздник, родился. Это Рюрик, дед мой по матери, и сын второй, Трувор. Голосистый был младенец, оттого и нарекли...

Получалось, что все путники были чем-то вроде одной большой семьи: зятя, кумовья, племянницы, братья. Правда, половину имен ведун упустил, не поняв, к кому они относятся, но главное усвоил: старшего в обозе зовут Захаром, седовласого старца – Рюриком, а двух девиц – Акулиной и Всеславой. И живут они все вместе в одной деревне – некой Сураве, что отстоит отсель за двумя реками.

– Сам-то из каких краев будешь, Олег? – неожиданно перескочил наличность ведуна Захар. – От дела лытаешь али дело пытаешь?

– Вообще, с Новгорода я. Токмо так сложилось, что дом мой – дорога, а из родичей – только сабля вострая да щит добрый, – не стал вдаваться в подробности Середин.

– Вижу, вижу, – кивнул бородач. – Однако же странная у тебя справа. Вроде поддоспешник на плечах – а ни подшлемника, ни шлема у седла не видать. Вроде сабля на поясе, щит у

луки седла – а рогатины у стремени не стоит. Броню, вестимо, в любой узел спрятать легко. Но копыя пополам не сложишь, в суму не упрячешь. А как же без рогатины ратному человеку?

– Коли на медведя, волка али людей охотишься, той вправду без копыя никак, – тихо согласился Середин. – Но коли дичь твоя мала, хитра и стали ничуть не боится, то и рогатина – лишняя обуза. Тяжесть изрядная, а проку – никакого.

– От как? – удивился мужик. – Что же это за добыча, которую железом не отпугнешь?

– Всяка разна бывает, – после некоторого колебания ответил Олег. – Где на оборотня наткнешься, где навки людям жить мешают, где криксы с болота норуют к жилью перебраться, где баечник детей душит. Нежить всякая встречается – и ласковая, и недобрая. Вот на последнюю и охочусь.

– А-а... – сообразил бородач. – Так ты колдун бродячий! От почто дождя здесь не каплет, хотя окрест вся земля уж полдня, как чавкает.

– Я не колдун, Захарий, – устало покачал головой Середин, уставший поправлять всех знакомцев. – Колдуны – это те, что магией своей прибыток получить желают. Себя поднять, других припугнуть, злобу черную на слабом сорвать. А я – так, ведаю кое-что в этом деле да пользуюсь, коли нужда заставит.

– Ведун, стало быть, – тут же согласился мужик. – Слыхали мы в Рязани о прошлом годе об одном. Бродит, дескать, по землям, нечисть изводит да суд справедливый чинит.

– Суд справедливый князь али сход токмо учинить могут, – отказался от ненужной славы Середин. – А я лишь помогаю людям добрым с нежитью управляться. Да и то когда попросят.

– А с мавкой ты справишься можешь?

– Мавка? – поморщился Олег. – Точно она? Может, навь? Или русалка? Она большая?

Середин не любил иметь дело с мавками. Крестьянам трудно понять, почему за избавления от милой девушки из омута с них просят заметно большую плату, нежели за истребление жуткого волкодлака. Между тем, оборотни опасны только зубами да когтями – а тихая мавка способна и морок навести, и заморозить, и силу выпить, и душу сожрать. И хотя иногда Олег истреблял нежить и вовсе бесплатно – не оставлять же ее, коли людям платить нечем! – но сам факт несправедливости в оценке его труда Середина обижал, и преизрядно.

– Мавка, мавка, – кивнул Захар. – Разве ж ее с кем перепутаешь? Тихая да ласковая, и в воде не отражается.

– Ты ее видел?

– Сам не узрел, повезло. Но из селения нашего многие встречали... – Он тяжело вздохнул. – В ручье она поселилась, аккурат перед болотом, за коим лес добрый. Ягодники в лесу богатые, дичь, схроны наши, орешник. А по эту сторону токмо бор сухой сосновый. Оттого часто народ за болото ходит. От она и подлавливает, коли парень али мужик один окажется...

– Не боишься про схроны незнакомцу рассказывать? – перебил мужика Олег.

– А чего бояться? – усмехнулся бородач. – Толку тебе от сего знания, коли троп через вязь не ведаешь? Мавка же по сю сторону. Людей караулит, не комаров.

– Что-то больно хищная она у вас, коли не преувеличиваешь, – покачал головой Середин.

– Знамо дело, хищная, – согласился Захар, чуть помолчал и признался: – Томила это, дочка булгаковская. Уродилась не красавицей. Дурнушкой, в общем. А мавки, известно дело, пригожи да ладны, глаз не отвести. На парня запала Томила, красна молодца, на Буню с крайнего двора. Гоголем по селению выступал, всякая норовила на глаз ему попасться. А как он другую пред Белесом женой назвал, Томила тем же вечером пойд и утопись. Чтобы красоту взамен души своей обрести. А как мавкой перекинулась, ко двору новому пошла. Девяти дней с молодухой своей Буня не прожил – заморозила его мавка. С собой увела, да и утопила в омуте у болота. Как всплыл – так и поняли. Но про мавку Томилу тогда еще не догадался никто. Парней пять извела, пока слухи пошли о девке неведомой, что на краю болота появляется. Никакого сладу, парням и мужикам совсем проходу не дает. Хоть и знаем ныне про Томилу,

а всё едино, не каждый пред девкой красной устоит, коли доступной покажется. Опять же не всегда на болоте она сидит. То в лесу Завязьевском пройдет, мужика одинокого сманит, то окрест деревни прогуляется, то на покосах явится.

– Да, мавки морок наводить умеют, – согласился ведун. – И знаешь, что тварь опасная, а всё едино за ней тянешься. Думаешь – поцеловать только, прикоснуться, рядом посидеть. И заметить не успеешь, как силы высосет, а то и в яму бездонную сам за ней влезешь.

– То верно. У меня один из сыновей, мыслю, по вине ее сгинул. Сосед мой, мужик степенный, с гати за ней метнулся, да так и не вытащили. Кузнец наш, Беляй, тоже через нее пропал. Детей трое осталось, жена, хозяйство без присмотра. Старшему там четырнадцать годов всего, прочие и того меньше. Куда им ремесло такое поднять? Оттого ныне и пришлось нам до Ельца обоз снаряжать. Своего мастера нет, а косы править надобно, топоры наладить, кольца для бочек новых и колес справить, пилы развести, упряжь заклепать, подковы к зиме набить...

Что верно то верно – для кузнеца в деревне работы всегда невпроворот. А значит... А значит, для мастеровитого прохожего непременно найдется и кров, и угощение. Никаких расходов – только молотом стучи. Еще и подзаработать чуток получится. Так почему бы не переждать в Сураве пару месяцев осенней распутицы, пока на землю не ляжет снег, а реки не скует прочным ледяным панцирем?

– Чего улыбаешься? – недовольно поинтересовался Захар.

– А помнишь, о чем мы с тобой на дороге перемолвились? – спросил Олег. – Человек предполагает, а судьба везет. Не оттого я заплутал, что лешие хитрее меня оказались, а потому, что дело нужное в здешних местах обнаружилось.

– Стало быть, изведешь мавку? – обрадовался мужик.

– Тут дело такое... – издалека начал Олег, взяв с попоны еще огурец. – Мне, Захар, в странствиях своих и припасы покупать приходится, и за кров платить, и лошадей содержать. Оттого ради простой благодарности помогать людям я не могу. Плату за добрые дела просить приходится.

– Так то понятно! – замахал руками бородач. – Ты токмо мавку нашу осадил, пока всех мужиков не извела. А с платой мы урядимся, это дело понятное. Лишь бы Томила больше детей наших не трогала, а мы уж ничего не пожалеем, что в загнишках накопили, сговоримся.

– Угу, – согласно кивнул Середин, прихватывая огурчик – отвык он как-то от подобного лакомства. В дорогу ведь обычно то, что посытнее, берут. Мясо, сало, рыбу. А огурец – вода одна. Зато холодная, хрустящая, сочная.

Теперь, определившись со своим будущим на два, а то и на три месяца, он окончательно успокоился по поводу того, куда забрел по незнакомым дорогам. Куда надо было – туда и забрел. Не оставили своим вниманием рожаницы,² привели в нужное время к нужному месту. Теперь только самому бы не сплоскать.

Тут рыжебородый мужик снял с костра большущий общинный котел, одним быстрым движением переставил его на попону, на то место, где недавно красовался котелок ведуна. Все моментально замолкли, в готовности облизывая ложки. Бородач старательно перемешал варево крупным черпаком, после чего сел на угол импровизированного стола:

– Да благословит Знич нашу пищу!

– Да благословит ее Таусень, – суровым тоном поправил его старик и первым зачерпнул из котла.

На миг возникла заминка – но тут Захар кивнул Олегу, намекая, что ему как гостю позволено есть после Рюрика, старшего среди родичей. Ведун запустил серебряную ложку в

² Рожаницы — дочери бога Рода. Небесные Хозяйки Мира, которые присутствуют при рождении детей и определяют их судьбу.

варево, набрал, сколько смог, а следом замелькали инструменты других сотрапезников – каждый отлично знал свою очередь.

Это была ячневая каша с запахом тушенки. Только с запахом – от мяса не попадалось даже волокон. Вдобавок, горячая. Дуя на коричневатые комки, Середин торопливо хватал их, обжигая губы – потому что точно так же поступали остальные, и если он не успеет съесть наравне с другими, то очереди придется ждать. После четырех ложек он понял, что больше этой гонки не выдержит, и отвалился, снова потянувшись к холодным огурцам.

– Спасибо, наелся. Теперь чем попроще побалуюсь.

К этому заявлению все отнеслись спокойно – остальным больше достанется. А Олег, схрупав еще парочку зеленых малышей, отошел к своему костру, от которого осталась только кучка углей, завернулся в темную шкуру и закрыл глаза.

* * *

– Ведун... Ведун...

Середин вздрогнул, подтянул шкуру выше на плечо:

– Да хорошо сплю... Ты чего, берегиня?

– Не берегиня я... – прозвучал в ответ девичий шепоток. – То я, Всеслава.

Олег открыл глаза – но вместо худенькой берегини различил на фоне темного неба щекастое лицо одной из девиц.

– Тебе чего, Всеслава?

– Ты и вправду колдун?

Середин вздохнул, сдвинул край шкуры, приподнялся на локте:

– А потом спросить не можешь? Я с Захаром на работу одну подрядился. Теперь много дней рядом с вами буду.

Чего хочет девица, он примерно представлял. Обычно, прознав про его ведовство во всяких заговорах, девки просили приворот, красоту ненаглядную или, реже, отсушку – парня своего от соперницы отвести. И спросить об этом норовили, как сговорившись, как раз тогда, когда он самые сладкие сны видел – чтобы не заметил никто их обращения к чародею.

– Так ты вправду колдун? – придвинулась ближе девица, шепча ему чуть не в самое ухо.

– Колдуны тоже на свете этом нужны, – зевнув, сел Олег. – Скучно будет без нас в этом мире. Ты чего хотела-то? Уж говори прямо.

– А правда, что с нежитью ты управляться умеешь?

– Умею, – опять зевнул ведун. – Дурное дело нехитрое. Ты-то чего хочешь?

– И с навями управляться доводилось?

– Случалось.

– А с волкодлаками?

– И с ними.

– А с бадняками?

– Всякой нежити повидать довелось.

– А кикимора тебя звала?

– Звала.

– И что ты?

– Вышел и извел.

– И не помер?

– Я похож на мертвеца?

– Нет, не похож...

– Так чего же ты хочешь, красавица?

– А правду сказывают, колдуны так девицу заморозить могут, что та сама себя забывает, а после ночи одной как безумная становится, и никто ее более усладить не способен?

Ах, вот оно в чем дело... Девушке захотелось страстной неземной любви. Или, точнее – бурного секса. Такого, чтобы впечатлений осталось на всю жизнь.

Олег обвел взглядом тихий лагерь. Его костер уже полностью погас, в очаге у путников еще алели угольки. Но люди покойно посапывали, полностью провалившись в мир снов. Да уж, если сейчас немного покувыркаться – никто и ухом не поведет. Вот только... Вот только чем это поутру кончится?

Ведун успел немало покататься по Руси и знал, что на севере страны к баловству незамужних девок относятся с полным небрежением. Там даже невесту беременную в дом привести за удачу считается – раньше первый малыш родится. Южнее, в княжествах Черниговском, Переяславском, Муромском, у вятичей и мордвы на ярмарках баловство между юношами и девушками тоже дозволено. Но тут построжее дело обстоит, и коли после баловства девица «понесла» – ухажер жениться должен. На западе, у полочан, пруссов, хорватов, еще строже обычаи. Разговор короткий: коли «спортил» – женись. Но жестче всего – у новгородцев с киевлянами и окрест. Там вообще от невесты «чистоты» требуют. Впрочем, оно и понятно. Если в крестьянской семье нужнее всего лишние рабочие руки, то для зажиточного сословия добро свое важно сыну родному, кровному по наследству отдать, а не байстрюку какому-нибудь. Потому о чистоте крови и заботятся. Хотя, конечно, по большому счету, у девок везде и любовь случается смертная, и погулять они горазды бывают. Вот только... Вот только не довелось бы ведуну после минутного баловства девице пред Сварогом и Триглавой в верности до гроба клясться. Поди докажи целой толпе родственников, что сама пришла, а не он ее совратил, заманил, заморочил? Да и вообще – чего это, действительно, девица примчалась, и пары слов до того с ним не перекинув? Может, мавка всех женихов в Сураве извела, а замуж хочется?

– Могут приворожить, могут, – вслух согласился Середин. – И усладить могут до безумства. Только для этого полнолуния дожидаться надобно. А ныне луны и вовсе нет. Так что спи. Негожая ныне ночь для сладких развлечений.

– А коли так, без безумства? – В голосе настроившейся на ночное приключение девушки прозвучало разочарование пополам с удивлением: неужели ее парень прогоняет?

– В другой раз... – Вырванный из сладких грез ведун в этот момент и вправду желал крепкого сна куда сильнее самой страстной любви. Он кивнул поздней гостье, зевнул и откинулся на шкуру, завернув на себя ее мохнатый край.

– Ты... Да ты... – Всеслава внезапно довольно больно пнула его ногой в бок. Середин, непривыкший к подобному обращению, вскинулся было – но девица широким мужским шагом уже шагала к телегам.

* * *

Утром рассвета не было – лишь мелкая гадкая морось, заставившая людей зашевелиться еще в сумерках. Костры, естественно, погасли, дрова намокли. Селяне, ругаясь, принялись запрягать лошадей, не поминая о завтраке. Только мальчишка, Трувор, побегал среди людей, раздавая «сухой паек» – по паре огурцов и копченому подлещику. Олегу тоже досталась порция – не иначе, Захар решил взять его на общий кошт. Что же, мелочь, а приятно.

Сунув еду в чересседельную сумку, Олег взнуздal коней, оседлал гнедую. Косых взглядов на него никто не бросал, усмешек тоже не было. Стало быть, по поводу ночного приключения Всеслава ни с кем заранее не сговаривалась, да и после неудачи распространяться не стала. Может, зря он ее погнал? Навидался всякого в приключениях своих и теперь на воду дует?

Хотя, с другой стороны – поди угадай, что у девки на уме? Когда столько свидетелей кругом, одного раза хватит заорать погромче, чтобы дело нужное сотворить...

С поляны ведун выехал последним – и лошадей у него было две на одного, и сворачиваться никто не помогал, и берегине напоследок в одиночестве поклониться хотелось. Телеги уже погрохатывали где-то далеко-далеко, когда он наконец выехал на тракт и, пустив лошадей шагом, полез в сумку за угощением. Не спеша, ломтик за ломтиком, истребил рыбу, роняя под копыта лоскутки коричневой, с крупными четуями, кожи, отер руки о влажную листву, захрустел огурцами. К тому времени, когда завтрак закончился, он как раз нагнал обоз и накинуд поводья чалого на кусок жерди, выступавший над бортом задней телеги – чего самому заводного вести, коли всё равно он с селянами отныне заодно?

Ленивый мерин такое решение воспринял спокойно, но вот гнедая, привыкшая отматывать версты ходко и легко, принялась фыркать и крутить головой, не желая трусить в хвосте медлительных повозок. Ведун быстро сдался и пустил ее шагом вперед, по правой обочине. Обгоняя телегу с девицами, он не удержался и чуть придержал поводья, пытаясь поймать Всеславин взгляд. Однако та, презрительно скривив губы, смотрела только вперед, и Середин, про себя усмехнувшись, поехал дальше.

– Ты ли это, Олег? – обрадованно кивнул Захарий, увидев рядом всадника. – Ты глянь, что творится! И воды вроде как нетути, а пока доберемся, и сами насквозь вымокнем, и добро, что с города везем, попортить можем. Обидно будет, ведун. Столько верст отмахали – и все ладно. А тут, рядом совсем...

– Обидеться Стрибог может, коли дожди разгонять, – сразу понял Середин, к чему клонит мужик. – Дожди его воле служат. Нехорошо в дела божьи мешаться.

– А мы ему жертву богатую принесем, – тут же парировал бородач. – Как Кшень минуем, там же в святилище и принесем. Разве Стрибог на нас, смертных, злился когда? Он милостив, простит.

– Милостив так милостив, – не стал спорить Олег, которому и самому погода такая была не в радость. – На твоей совести, Захар. По твоей воле ворожу.

Прикинув направление дороги, ведун метнул в низкие тучи горячий шар из своей груди. И хотя сам шар никто из путников, естественно, не заметил – но жест Олега был понятен без перевода. Дождь прекратился почти сразу, а спустя пару минут тучи заметно посветлели. Сзади кто-то восторженно захлопал в ладоши. Середин оглянулся – но это была Акулина. Всеслава же демонстративно отвернулась. Пожалуй, теперь по гроб жизни обиду строить будет. Ну, и леший с ней!

– Скажи, Захар, – расправив плечи, спросил Середин. – А на каких землях вы живете, на черных или боярских?

– На вольных, ведун, на вольных. Общинники мы.

– Вот как? – зачесал за ухом Середин. – Как же вас князья прибрать не пытаются?

– Земли тут порубежные. Не то мордовские, не то половецкие, не то русские. Мало тут бояре всякие ездят. От, Елец поставили как крепость южную, рязанскую, и далее не суются. Посадники тамошние рады, коли мы их о бедах упредим, о слухах нехороших. Большого пока и не просят. Знают – коли тягло накладывать начнут, мы опять соберемся, да в иные места подадимся, где про князей и бояр не ведают. Мордва нас не трогает. Бойтся, случись что – Рязань за братьев кровных отомстит. А половцы... Они ведь кочевники – больше, нежели на пару дней, не налетают. Покрутятся, похватают, что найдут – и обратно сбегает. Знают, поганцы: и для рязанца, и для мордвина половца зарубить – дело чести. Чуть про набег проведуют – со всех сторон налетят. А пару дней и в схронах переждать не тяжело, пока степняки умчатся...

– Постой, – перебил его ведун, – а вы, что, уже откуда-то «подавались»?

– Малым я еще был, – вздохнул мужик, – с Ваги ушли. Там еще прадеды наши осели. Родов пять. Тоже, как и ты, новгородцами еще себя считали. Сели на Вагу, на вольные земли,

общину основали, начали жить-поживать да добро наживать. Однако же появились тиуны княжеские, стали с нас тягло для князя Белозерского требовать. Дескать, на его землях мы осели. Поразмыслили старшие наши. От, и дед Рюрик на сходе был. Гадали долго, как дело решить. То ли принимать руку княжескую, дань ему платить, суд его признавать – али к Новгороду за защитой вестника засылать. Однако же Господин Великий Новгород хоть детей своих и оборонит, без сумнения, но ведь и сам за то дань спросит. Не за просто же так ему силу свою растрачивать? Ну, часть дворов остаться решила, а многие не захотели ни на тех, ни на иных спину гнуть. Собрались, да и подались на юг, на свободные места. Рязанское княжество миновали, до Кшени дошли, там остановились на ночлег да про дороги расспросить. Узнали, что живут они общиной, без бояр. Токмо сход всем заправляет. В Кшени же деду и места указали пустынные, на которых не живет пока никто. Мы опять родами и расселились. Долгуши, Козловы, Горелые и мы, Сурановские...

Договорить он не успел. За поворотом лес внезапно расступился, и ведун увидел ровное жнивье, уходящее под стены города, что возвышался верстах в трех впереди. Захар удовлетворенно выдохнул:

– Кшень...

Пожалуй, этот городок можно было смело назвать крепостью: примерно семиметровые рубленые стены, поставленные на вершине холма, вздымались над полями на высоту пятиэтажного дома. Зимой откосы наверняка заливались водой, лишая противника шансов добраться хотя бы до нижних венцов, летом стены и навесы для стрелков регулярно поливались водой, чтобы не горели. Правда, размерами цитадель особо похвастаться не могла – почти правильной квадратной формы со стенами по полсотни метров длиной, она могла принять в себя жителей поселка, что раскинулся внизу, разве только если они плотно встанут плечом к плечу.

Подробнее рассмотреть селение Захар не дал, проведя обоз мимо слободы прямо к реке. Рыжебородый селянин, весело поздоровавшись с мужиками, сидящими у откоса с пирогами в руках, о чем-то с ними переговорил, размахивая руками и поминутно смеясь. Потом они все вместе пошли вниз, а еще через минуту вернулись обратно:

– Смотри, Лабута, – пригрозил один, – коли лодки попортишь, лучше тут боле не появляйся!

– Не бойсь, Глеб, – рассмеялся рыжебородый. – Все пылинки стряхну! Ну, братишки, давайте грузиться!

Последние слова относились уже к путникам. Послышались крики:

– Н-но, пошла! – И телеги скатились к реке.

Здесьняя протока больше всего напоминала старицу: широкое русло с подтопленными берегами, а посередине еле двигается вода в потоке метров двадцати шириной. К самому причалу подъехать не удалось – мостки шли над илистой жижей между сухими камышами, шагов на сорок. Впрочем, путники чего-то подобного и ожидали. Они принялись разоружать телеги, перенося выюки и мешки в покачивающиеся в конце помоста лодки. Пока Олег расседывал верных скакунов, на паре лодок в два захода мужики успели перевезти груз, в то время как другие разбирали подводы, снимая оглобли и скидывая повозки. Еще в два захода они переправили короба телег, потом загрузили колеса, за вожжи потянули за собой лошадей и... И Олег, к своему удивлению, остался на берегу один с обеими деревенскими девицами.

– Значит, ты северянка? – подошел он к Всеславе. Девушка отвернулась, глядя вниз по течению.

– А тебе, что, больше степнячки нравятся? – задорно ответила вместо нее Акулина.

– Нет, мне нравятся красивые, – ответил Олег, глядя при этом на ее подругу. – И живые. А по ночам часто то является, от чего лучше прятаться, сразу и без раздумий. Уж я-то знаю, как один поцелуй из богатыря бледную тень сделать может. Коли о чем уговариваться, то днем надобно. И тогда обязательно исполнятся любые желания.

Всеслава даже не дрогнула – однако щеки ее заметно порозовели.

С противоположного берега вернулись лодки. Ведун наклонился, подхватил тюки со своими пожитками и кузнечным инструментом, переправил в лодку, пошел назад и посередине мостков столкнулся лицом к лицу с Всеславой, которая несла чересседельную сумку. Они остановились, глядя друг другу в глаза, и Олег вдруг предложил:

– Хочешь, я научу тебя разгонять облака?

Девушка молча пробралась мимо. Ведун, вздохнув, опять взялся за вещи, а когда все они перекочевали в плоскодонку, за поводья довел коней до края помоста, сел в лодку. Сидящие на носу и корме Коля и Трувор взялись за похожие на лопаты весла с длинными лопастями, погребли к противоположному берегу. Середин натянул поводья. Гнедая с чалым возмущенно заржала, но подчинилась, прыгнув с помоста в грязную воду. Глубина тут составила им от силы по колено, но по мере движения к середине стремительно увеличивалась. Второй раз лошади громко возмутились, когда холодная вода коснулась брюха и стала подниматься дальше. Впрочем, плыть конягам не пришлось – мелкие речные волны даже не захлестнули им на спины, как глубина начала уменьшаться, и вскоре лодки ткнулись в глину под обрывистым, но невысоким, метра в полтора, берегом. Лошади заскочили наверх прямо с места, а ведуну пришлось повторять все процедуры в обратном порядке: вещи вынести, лошадей успокоить, потник расправить, седло наложить...

– А ты правда можешь научить облака разгонять?

– Легко! – усмехнулся ведун. Даже не оглянувшись, он понял, кому принадлежит голос: одной обидчивой девчонке, которая никогда не слыхала поговорки: «Любопытство сгубило кошку».

– А я смогу?

– Это даже ручной медведь сможет, – затащил подпруги Середин. – Да только пояснений не понимает никак. Я один раз этому фокусу даже вотякского хана научил. Он так обрадовался, что невольницу мне от восторга подарил.

– И где она, невольница?

– Так русская она была, рабыня-то, – закончив с упряжью, повернулся к Всеславе ведун. – Я ее до дома, к отцу с матерью, довел, да и отпустил.

– Ужели и не тронул совсем? – не поверила Всеслава.

– Почитай половину зимы вместе пробыли, – уклончиво ответил Середин. – В Городце она ныне. Небось, замуж уж вышла. Коли тебе так любопытно – так съезди, спроси.

– Дядька плывет, – кивнула в сторону реки девушка. – Пора в путь собираться. Что же, ты всегда и всего по ночам боишься? А еще колдун! Про полнолуние тоже, небось, соврал?

– Ночь – время темное, – улыбнулся в ответ Олег. – А что до полнолуния... То да, при полной луне любые чары втрое сильнее. Хотя, конечно, почудить в любой из дней приятно. А обычные ласки тебе не по нутру?

– Обычные ласки я и без тебя, сколько хочешь, получу, колдун, – высокомерно хмыкнула Всеслава. – Смотри, коли всегда таким пугливым по ночам станешь, то и детей своих никогда не увидишь.

Под берегом с легким шелестом уткнулась в откос лодка, секундой спустя на берег выбрался Захарий. Увидев ведуну, вскинул руки ладонями вперед:

– Я свою клятву выполнил, Олег. Поклонился Стрибогу со всей щедростью, от души. И волхву также наказ оставил бога за нас молить. Не осерчает...

Мужик побежал за телегами, что тронулись в путь, не дожидаясь его команды, Середин тоже поднялся в седло и въехал под темные дубовые кроны.

Здесь, по эту сторону Кшени, дорога стала намного уже, нежели до крепости, даже на колеях тут и там рос подорожник, а подлесок вплотную подступал к путникам, оставляя для проезда полосу шириной метра в полтора, если не менее. Олег даже удивлялся, как протис-

кивались повозки между тесно растущими деревцами. Зато небо заметно посветлело – видать, Захар и вправду хорошо богам поклонился, коли так быстро отозвались, дождь отогнали.

– Не вешай носы, мужики! – задорно крикнул рыжебородый Лабута своим сородичам, настороженно вглядывающимся в сумрак дубравы. – Коли повезет, сегодня вечером жинкины пироги на печи трескать будем!

Не повезло. Сразу за дубовой рощей, перекатываясь через усыпанный галькой ручеек, что журчал внизу оврага с пологими берегами, одна телега потеряла колесо, ухнувшись вниз, и ось, ударившись о землю, с оглушительным треском лопнула пополам. Пока путники, ругаясь, выволокли повозку наверх, разгрузили и перевернули, пока нашли в зарослях в овраге клен нужной толщины с прямым стволом, пока приладили новую ось на место старой – ушло часа три. Это означало, что банька с дороги отодвигается для всех как минимум до следующего дня.

Еще до сумерек обоз выехал из рощи на заливной луг, носивший явные следы недавнего покоса – трава не успела подняться выше колен. Стогов на земле, которую в любой момент мог подтопить близкий ручей, рачительный хозяин ставить не стал. Потом колея заползла на пологий взгорок – по левую руку появились грядки с морковной ботвой, а чуть дальше – с крупными капустными кочанами. Справа тянулась молодая тополиная роща – деревца были все примерно одного возраста и пока не превышали в высоту всадника.

– Ну что, примет нас Творимир на постой, али морду поворотит? А, Захар? – окликнул старшего Лабути. – Бо теперича мы домой и до полуночи не успеем.

– Помолчи ты, – негромко, но хорошо слышно огрызнулся бородач. – Опять сглазишь...

– А чего глазить-то? – не понял Лабута. – Куды он с тракта денется?

Прислушиваясь к разговору, Олег не очень понял, о ком говорят – на выселках, что ли, нелюдимый кто-нибудь живет? Но, судя по смыслу, ночевать они в любом случае будут под крышей – хоть это хорошо. Не прогонит же человек земляков своих на ночь глядя?

Тополиная поросль оборвалась, уступив место высокому, в рост человека, плотному плетню, словно хозяева боялись не только волков или кабанов, что могли забрести во двор, но и мышей, способных пролезть в самую узкую щелку. Ближе к дому плетень сменился бревенчатой стеной, следом за которой шли ворота.

Спереди громко свистнули, обоз остановился. Олег привстал на стременах, потом послал гнедую вперед – и тоже присвистнул: одна из створок прочных, сбитых из жердей в ладонь толщиной, ворот лежала на земле, вывернутая с петель.

– Хорошее начало, – не выдержав, высказался он. – Я бы на вашем месте, мужики, Лабуте рот насмерть заделал. Что-то добрые слова его вечно боком людям выходят.

Ведун спешился, поправил саблю, вошел во двор. Здесь царила тишина – если не считать тихого топтания двух жирных кур, что крутились у навеса возле просыпанного на землю пшена. Сам навес, наполовину забитый сеном, сильно покосился, провалившись дальним углом в землю – ближний к ушедшей вниз стене столб был перекошен, крытая соломой крыша сползла с него чуть не до самой калитки, виднеющейся в противоположной стене.

Как и догадывался ведун, никто здесь рубленого забора не делал. Просто возле дома наружу выступали стены навеса, длинного хлева и сарая, образуя с избой уютный, закрытый со всех сторон, дворик с колодцем в дальнем углу. О том, что хозяева держали скотину, можно было догадаться только по запаху – животные не было и в помине.

Через распахнутую дощатую дверь Середин ступил в дом, прошелся по комнатам. Сбитые со степ полки, глиняные черепки на полу, ровные темные прямоугольники от унесенных сундуков, широкий топчан без перины или тюфяка, еще один, узкий, у противоположной стены, опрокинутый стол, лавка с надломленной ножкой. Похоже, кто-то сильно озабочен тем, чтобы вынести отсюда всё мало-мальски ценное. Но следов крови или сражения нигде не имелось – ни зарубок от мечей на стенах или косяках, ни граненых дырочек от наконечников стрел. Без смертоубийства обошлось, и то ладно.

Ведун вышел обратно во двор, выглянул на дорогу:

– Что замерли? Коли нежити боитесь, то ни к чему. Ничего колдовского тут нет. Правда, и хозяев тоже. Решайте быстрее, здесь ночевать станем, или до деревни своей доехать надеетесь?

– Часа три тут осталось, не бо... – попытался высказать свое мнение Лабута и осекся на половине фразы.

Захар оглянулся на него и выразительно сплюнул.

– А че, рядом совсем. – пожал плечами его старший сын. – Дорогу знаем...

– Какое знаем? – подал голос еще незнакомый Олегу мужик с первой подводы. – Темнеет уже, небо всё тучами обложило. Скоро тьма будет, хоть глаз выколи.

– Беда стряслась, – неожиданно прохрипел с задней телеги старик Рюрик, прокашлялся и заговорил уже вполне нормальным голосом: – А ну, еще чего впереди стряслось? Мыслью я, засветло дале трогаться надобно. На свету и нежить мельче, и страхов меньше, и путь чище...

– Поворачивай во двор! – не стал спорить с самым старшим Захар. – Заворачивай! Здеся заночуем. Приберем заодно у Творимира, осмотримся. А там, глядишь, и сам объявится.

Олег согласно кивнул и, пока нужную вещь не размолотили колесами, поднял длинную прямую жердину, что, скорее всего, заменяла у пропавшего хозяина засов. Как все заедут, створку можно поднять да обратно засовом подпереть. Всё спокойнее.

Вскоре лошади уже уминали под навесом свежее сено, из трубы дома повалил сизый дым, девки вывели на улицу грязь, свалили кучкой осколки посуды. Запертые ворота и калитку путники на всякий случай заставили телегами, договорились в очередь дежурить во дворе – на случай, если объявится кто из пропавшей семьи. В этот раз ведуна накормили гречей с крупными кусочками копченого мяса и салатом из свежей капусты – Олег тихо заподозрил, что срезали кочаны с грядок напротив.

Потом все начали располагаться спать – старик на узком топчане, рядом с ним сыновья Захара. На широком топчане начали устраиваться сам Захар и рыжебородый, сбоку притулился еще мальчишка. Кто-то из мужиков, тихо обругав хозяина за то, что тот не сделал полатей, начал укладываться на полу, девки полезли на печь. Середин понял, что касательно спальных мест здесь тоже соблюдается некое старшинство, уже распределенное среди спутников, и, не желая вступать в чужую иерархию, вышел во двор.

Почему-то никто из деревенских, свято чтивших старшинство в роду и иерархию мест, не подумал о том, что мягкого ложа в доме нет ни одного – все куда-то выметено. А ведун предпочитал спать не только под крышей, но и с удобствами. Середин вытянул из выюка свою неизменную медвежью шкуру, отошел под навес и зарылся у самой стены глубоко в сено – чтобы и тепло было, и мягко, и на глаза никому раньше времени не попасться, коли неприятности вдруг ночлежников посетят. Однако не успел он, завернувшись в шкуру, закрыть глаза, как входная дверь хлопнула и несколькими секундами спустя сено вкрадчиво зашуршало:

– Я знала, что ты сюда заберешься, – услышал он голос Всеславы. – Я тоже люблю в сене спать. В нем мягко и летом пахнет. Токмо холодно ныне...

– Так забирайся сюда, – приоткрыл ведун край своего покрывала, и девушка с готовностью забралась под густой мех, прижалась к его груди, поскольку места в сложенной вдвое шкуре было не так уж и много.

– Говорить про тебя чего не станут? – тихо поинтересовался. – Вроде двор кто-то сторожить должен.

– А они нашли кого поставить. Малюту Рыбкина. Он на телеге, что ворота подпирает, под попоной уже храпит, – презрительно хмыкнула Всеслава. – Да и пусть болтают. Языки поганые от немочи завистливы. Как Коловратов день³ настает, так все, небось, в лесок на охоту сбегает, не скромничают. Али я собой не вышла?

³ Коловратов день – он же праздник Коловороты, он же день Ивана Купала, он же день рождества Иоанна Крестителя,

– Еще как вышла, – согласился Олег и сжал ее левую грудь. Чего уж стесняться, коли такие разговоры пошли?

– А ты меня вправду научишь облака разгонять?

– Научу... – Ведун склонил голову и начал целовать ее шею.

– Так учи. Чего лезешь?

– Как я тебя здесь научу? – возмутился, отстранившись, Середин. – Ни одного облака на небе нет! А коли и есть – чего ты там увидишь?

– Вот, стало быть, ты каков, – фыркнула девица. – Как все – наврут с три короба, а самим лишь бы под юбку залезть.

– Ты же сама хвалилась, что собой вышла, – усмехнулся Олег. – Вот к тебе каждого и тянет.

– Иди ты лесом, – отпихнула его Всеслава и поправила ворот сбившейся рубашки. – Я думала, ты, колдун, особенный. А ты как все. Пусти, надоел.

– Это какой же? – обиделся Середин.

– Все вы одинаковы. В стог затащить, пару раз потискать, по-быстрому подол задрать, да на боковую отвалиться.

– А тебе такой ночи хочется, чтобы потом никого другого не хотелось? – припомнил ей, удерживая за руку, ведун. – Не боишься?

– Чего бояться-то?

– Того, что сбудется.

– Так, сам молвил, не полнолуние сегодня, – задержалась Всеслава.

– На полнолуние еще сильнее всё ощутится. А попробовать колдовской любви ты хоть сейчас можешь. Только по-быстрому она не получается, половину ночи отдать надобно. Не боишься?

– Половину ночи? – презрительно хмыкнула девушка. – Это когда мужиков на такое хватало?

– Половину ночи. – Ведун, раззадоренный ее неверием и к тому же не касавшийся женщин уже много недель, завелся всерьез. – И то, что ты познаешь, будет обрядом самих Уда и Лады, для любви богов, а не смертных придуманным. После этого обычная связь плотская тебе скучной казаться будет. Не забудешь ты этого уже никогда, и никогда ничего иного тебе не захочется...

– Врешь ты всё... – без уверенности в голосе ответила Всеслава. Воистину – любопытство сгубило кошку.

– Мало кому из женщин такое дано познать, – ослабил свою хватку Олег. – Да и бояться они этого почти все.

– Врешь... – повторила девушка, однако обратно в дом уже не рвалась.

– Только просто под юбку при этом не лезят... – Середин привлек уже практически сдавшуюся жертву к себе и крепко поцеловал в губы. – Коли решилась, полностью отдаться должна, а не просто ноги развести.

– Это как? – всё-таки хмыкнув, поинтересовалась Всеслава.

– Хочешь страсти богов – раздевайся. Полностью. И мне раздеться придется.

– Как в бане, что ли?

– Можно и как в бане, – не понял смысла издевки Олег.

– Ну, ладно, колдун, – прикусила губу девушка. – Но коли обманешь, враз опозорю...

Она скинула душегрейку, положила ее на сено. Задрала подол сарафана, распустила завязки и вытащила наружу три нижних юбки, потом сняла через голову сарафан, нижнюю

рубашку, оставшись только в низких сапожках со шнуровкой спереди. Откинулась на разбросанные тряпки, образовавшие довольно широкую постель.

– И что мы станем делать теперь?

– Закрой глаза... – Олег, тоже успевший раздеться, развернул шкуру и накинул ее сверху, посплюнул палец: – Ты готова?

– Ну и? – с закрытыми глазами улыбнулась она.

– Знаком Кроноса заклинаю и плоть, и небо, и землю, и огонь. Поднимись, камень-Алатырь, на двенадцать сажен, выпусти, камень, силу станающую, на жизнь... – Олег нарисовал па животе Всеславы знак женщины, похожий па зеркальце, – на огонь, – под левой грудью он начертил свастику, – на вечность, – под правой грудью появилась волнистая линия, – на мир. – Он обвел «ямку жизни» под ее горлом кружком. – Теперь дыши. Часто и так глубоко, как только можешь. Дыши, не останавливайся, что бы тебе ни почудилось. И постарайся ни о чем не думать...

Он провел ладонями по ее бокам снизу вверх, закинув руки девушки за голову, коснулся губами одного соска, другого, скользнул щекой вниз от груди по животу и, почувствовав изменение в ее груди, предупредил:

– Дыши! Глубоко дыши!

Ладонь тем временем пробежала по бедрам, зарылась в курчавые волосики внизу ее живота, но тайных врат не коснулась, двинувшись обратно вверх. Олег не спешил, у него было много времени. Душа женщины во время этого обряда не открывалась небу раньше, чем через полчаса – при условии, что та не прерывала глубокого дыхания. И удел мужчины – всё время ласкать ее, не давая лишиться настроя.

– Хорошая моя, прекрасная, желанная...

Время шло. Всеслава уже не сбивалась с ритма, откинув голову и вдыхая через широко открытый рот. А губы ведуна продолжали путешествовать по ее телу, выискивая самые чувствительные места. Руки то сжимали грудь, то оглаживали мягкие бедра, всё чаще и чаще касаясь врат наслаждений. Внезапно девушка застонала, ее колени согнулись, руки опустились к телу, голова заметалась из стороны в сторону. Это означало, что она открылась, вошла в единение с миром, с небом, со Вселенной. Чародей осторожно проник пальцами в ее пещерку, мягко пробежался подушечками, выискивая и здесь чувствительные точки. Всеслава завывала на одной протяжной ноте, но теперь она уже вышла из-под его власти, и ведун ничего не мог изменить. Ее тело начало вздрагивать от мелких судорог – и Олег наконец-то позволил себе нависнуть над ней и плавно войти туда, куда вся его сущность рвалась, казалось, уже целую вечность.

Тело девушки дернулось навстречу, его опять пробило судорогой, Всеслава на миг сбилась с дыхания, замерла. Тело – земля, вдохи – небо, душа – огонь. Она рвалась навстречу – однако плоть не могла шевелиться. Но Всеслава всей силой стремилась... а потому навстречу любви двинулась душа – перехлестывая пределы тела, заливая Олега горячей волной, кружа его в страстном вихре, лаская невидимой силой, вырывая из мира реальности в эфемерный океан вожделений.

Ведун потерял ощущение времени, верха и низа, кувыркаясь где-то между сном и явью, в мире видений и желаний, в вихре чужой и своей страсти – пока всё это не закончилось сладким взрывом, заставившим его рухнуть с высот небытия в ароматные травы, под теплую шкуру, в горячие объятия.

Первые несколько минут он не мог даже шелохнуться, совершенно лишившись чувств – как и распластавшаяся рядом Всеслава. Олегу было так хорошо, что ему и в голову не приходило поторопить девушку одеться или облачиться самому – было всё равно, что случится, если сейчас их застанут вдвоем. Наверное, в этот миг он был готов соединиться с ней навеки, навсегда, пока Мара не разлучит их, выполняя свою давнишнюю клятву.

Потом реальность постепенно вступила в свои права, и ведун вдруг осознал, что примотанный к запястью крестик не просто греет – он пульсирует на руке нестерпимым раскаленным жаром. Середин дернулся, попытавшись встать, но Всеслава, чуть поднявшись, придвинулась, положила голову ему на грудь:

– Любый мой... Как же я ждала тебя... Нашла...

Олег опять упал в сено, глядя ее по голове. Девушка ровно задышала, явно уснув, и он сделал еще попытку выбраться, осторожно приподняв ее голову и переложив на скатанный край шкуры. Тихонько сполз вниз, прихватив по дороге штаны и рубаху, торопливо оделся, нащупал в сене саблю, опоясался и наконец-то выбрался из сена.

Крест у запястья продолжал жечь руку – однако двор выглядел спокойно. Кони, прядая ушами, спокойно перетаптывались возле яслей, выдыхая белые клубы, курицы затаились где-то в хлеву. Никаких посторонних звуков, никакого движения. Правда, стены, телеги, крыльцо, столбы навеса из коричневых стали белыми – но это была всего лишь изморозь. Олег открыл рот, короткодохнул, наблюдая за появившимся облаком, неспешно поплывшим к навесу, потом передернул плечами и полез обратно в сено.

– Где ты был? – сонно поинтересовалась Всеслава, тут же по-хозяйски забрасывая на него руку и укладывая голову на плечо.

– Осмотреться ходил.

– И что там?

– Зима пришла. Заморозки.

– А Малюта?

– Не видно никого...

– Спит, – улыбнулась Всеслава и неожиданно продолжила: – Как же я тебя люблю, как же я люблю тебя, единственный мой.

* * *

– В кого ты только уродился такой, балбесина великовозрастная, чурка дубовая, телок березовый?! Ты хоть понимаешь, что по твоей милости нас всех порезать тут могли, как утей в курятнике?! А ну, тать какой бы забрался, али половцы наскочили? Ничего поручить нельзя, дубина стоеросовая!

Бесшумно зевнув, Олег потер запястье, на котором всё еще исходил жаром освященный в Князь-Владимирском соборе серебряный крест, приподнял голову и понял, что распекает Захар мальчишку, что сидел на телеге с рыжебородым Лабутой. Точнее, с Лабутой паренек сидел в пути – а здесь стоял, понутив голову, и выслушивал нотацию, ковыряясь в земле носком сапога. Середину даже жалко его стало – совсем ведь мальчишка еще. Ну, заснул, бывает. Не в походе ведь, и не случилось ничего. Сами тоже хороши – никто за всю ночь не проснулся, пост не проверил, наружу носа не показал.

– Баклуша липовая! – закончил лекцию мужик. – Без завтрака бы тебя оставить, недоумок! Ступай в дом!

Дверь хлопнула, пропуская внутрь незадачливого сторожа и бородача, девушка тут же шевельнулась и захихикала в ухо:

– Говорила я, у Малюты хоть весь обоз уведи, не заметит...

Всеслава перекатилась ему на живот, крепко поцеловала:

– Теперь ты мой, колдун. Никому не отдам. – Потом принялась собирать в сене свои одежды, спешно одеваться. – Акулина, вестимо, извелась уж вся. И ты иди, перекусишь на дорогу.

– Сейчас, догоню. – Входить в избу вместе с Всеславой Олег всё-таки не хотел.

Свернув шкуру, он запихал ее в сумку, провел пальцами по столбу, оставив на инее четыре черные полосы, выдохнул пар, поднял глаза к низкому, темному от туч небу. Вот и зима. Пожалуй, задерживаться в Сураве надолго ему не придется.

К тому времени, когда он зашел в дом, путники уже поели. Разумеется, готовить никто ничего не стал – пожалели времени, хоть и печь рядом. Пара огурцов, толстый ломоть сала, положенный вместо хлеба на четвертину капустного кочана. Не много, но пока Олег, молча переглядываясь с Всеславой, прожевал угощение, сноровистые мужики успели запрячь лошадей.

Впрочем, ведун особо не переживал – всё едино верхом он обоз нагонит, не успеют они и до леса докатиться. Он накинул уздечку на морду чалого, затянул снизу ремешок, потом перешел к гнедой.

– Не отставай, колдун, – громко рассмеялась Акулина, помахав ему рукой. – А то опять заплутаешь.

– Да открывай же, Трувор, – поторопил Лабута возящегося с тяжелым засовом мальчишку. – Домой хочу поспеть к обеду. По щам соскучился, с убоиной да капустой кислой. А то всё каша да огурцы. Обрыдло!

– И баньку горячую к вечеру протопить, да медком хмельным стоячим брюхо промыть, – согласился с ним кто-то из мужиков. – И на перинку под утиное одеяло.

Олег, раскладывая потники скакунам на спины, мысленно подписался под каждым услышанным словом. А потом вдруг настала мертвая тишина. Ведун, почуввав неладное, резко обернулся...

Дороги за отворенными заиндедевшими воротами не было. Прямо от порога начиналась залитая коричневой водой топь, из которой тут и там выпирали кочки с пожухлой травой, местами покачивались кривые болезненные березки, да торчали повсюду, раскинув резные листья, радостные зеленые камыши. Вдобавок ко всему, мороза за воротами не было и в помине – там, покрывая вязь мелкой рябью, шел затяжной морозящий дождь...

– Ква... – ошалело выдохнул Середин, быстро подошел к воротам, наклонился, огладив ладонью ближнюю из кочек. Рука ощутила влагу, кочка заметно подалась под нажимом, однако никуда не делась. На морок не похоже. Вдобавок, жар в кресте заметно ослаб. Значит, чары таились не снаружи, а внутри двора. Однако ехать путникам всё равно оказалось некуда.

– Коля, за калитку глянь! – указал пальцем на противоположную сторону двора Захар.

Его сын прыгнул с телеги, быстрым шагом прошел к дальнему сараю, толкнул створку... За углом сруба открылся всё тот же унылый вид.

– На крышу заберись. Может, подъезды затопило!

– Трувор, подь сюда, – подозвал младшего брата мужик, рывком подсадил его на крышу. Тот, скользя по заснеженной дранке, забрался на конек, примостился там. Глянул в одну сторону, другую...

– Не, бать, везде топь плещется, – облизнулся он. – И леса нет.

– Чего?

– Ну, не на холме мы Творимировом, бать. Ни заводи его не видать, ни мельницы, ни загона, ни леска. И леса нашего, соснового, тоже нет. Ну, через который тракт идет. И откоса песочного не видать.

– Подожди... – выпрямился Олег. – Какой мельницы?

– Водяной, – отозвался Захар. – Творимир мельник наш. От отца в Кшени отделился да тут и осел. Уж лет двадцать, почитай, свое хозяйство ведет. Ручей под холмом загородил да мельницу поставил. К нему с зерном со всех наших деревень ездят, и с Селезней, и с Глазка, и с Долгуши... Пстой, ты ведь колдун! Ну, так скажи, откель зыбун сей взялся?

– Мельник, – раздраженно отмахнулся Олег. – Что же не упредили вчера, чей дом?

То, что все мельники – колдуны, на Руси каждый знал с младых ногтей. Кузнецы и мельники. Причем, если волхвы знали с богами и духами, то кузнецы и мельники – только с нечистой силой. Да и как без этого обойдешься, коли селились они всегда на отшибе, в неудобьях всяких. Деревня в спокойном закутке – а мельник на холме, на самом ветроуде. Деревня – у тихого озера, а мельник – к перекату устраиваться едет. И для ремесла своего мельнику, вестимо, с Похвистом нужно сговариваться, с духами воздушными. А коли мельница водяная, то и того хуже. Поди, заставь ее ладно работать, с водяными, мавками и русалками общего языка не найдя? Посему каждый знал, что и кикимора, и вий, и упырь какой, от которого даже мыши в стороны бегут, для мельника запросто лучшим другом оказаться может и приют, а то и убежище от врагов у него найти.

– Чего упреждать? – не понял Захар. – Мельник и мельник, ничего за ним отродясь не водилось. Опять же, здесь дом его, а мельница на ручье, за холмом стоит.

– Хоть бы упредили... – повторил Олег.

– Че ты заладил, дили-недили? Ты скажи, творится тут что, колдун? Откуда топь за воротами появилась?

– Я не колдун, – тихо поправил его Середин. – Просто ведаю поболее прочих.

– Ну, и что нам теперь делать, ведун?

– Я думаю... Я думаю, Захар, распрягать надо. Вряд ли всё это исчезнет быстро, раз уж появилось. Во всяком случае, не на глазах...

С неба, плавно кружась, на двор начали падать пухлые легкие снежинки. Хотя по обе стороны от двора продолжал лить дождь.

– Что-то тут вроде похолодало, – поежилась Всеслава. – Дядь, можно я попону на плечи кину?

– Кидай... Так что, ведун?

– Распрягай! – подняв лицо вверх, повторил свой совет Середин.

Похоже, что девушка была права. Во дворе, обложенном со всех сторон болотами, должно было постепенно холодать. У него у самого пощипывало щеки, кончик носа. Иней на стенах, столбах, заборе лежал уже не тонкой пленкой, а толстым, с мизинец толщиной, покрывалом. Как будто их не спеша, обстоятельно замораживали. Хотели убить? Или это побочный эффект неведомой магии? Или к чему-то подталкивали, намекая усиливающимся холодом на необходимость действовать...

– Распрягай, Трувор, приехали, – махнул рукой Захар. – А тебе, Лабута, коли еще хоть слово при мне скажешь, язык отрежу!

Ворча и бросая на ведуна недовольные взгляды, мужики принялись распускать ремни и снимать с лошадей хомуты, а Олег описал по двору широкий круг и опять остановился возле раскрытых ворот. Крест на руке пульсировал жаром – но с такой же силой он жег запястье по всему двору, и в доме, когда Середин заходил туда утром. Никакой разницы. Магическое воздействие равномерно везде, ясно выраженного источника не заметно.

Мельник, мельник... Дом мельника, мельница водяная. Раз почти десять лет Творимир не жаловался на нрав своей речушки, на забивающие колесо водоросли и камни или еще какие неприятности, работал и работал – значит, с водяной нежитью он сговорился, не шалила. И дом окружило как раз болото. Значит, не без стараний хозяина их тут чары удерживают. Может, от татей и чужаков он такую защиту придумал? Вряд ли. Откуда в этой глуши чужаки? А вот клиенты к мельнику ездят часто, ремесло у него такое – на людей работать. Не станет же он на селян такую ловушку ставить! Враз заказчиков лишиться можно. Опять же, из дома всё вынесено подчистую. Коли хозяин жилье свое бросил – зачем его так опасно и старательно защищать?

– Или не бросил? – Олег, покусывая губу, забежал по двору. – Может, ограбили? Может, мертв хозяин давно, а на дворе проклятье его предсмертное осталось? Тогда есть шанс. Коли

он мертв, за Калинов мост заглянуть не сложно. У него самого и спросим. Коли покойник – ответит, коли жив – можно надеяться, сам скоро появится.

– Захар! – окликнул ведун бородача. – Бросайте это нудное дело и сюда собирайтесь. Чем народа в кругу больше, тем легче душу усопшего выкликать. Коля, хватит на крыше, как сычу, сидеть, сюда прыгай. Лабута, стол из дома принесите, на нем разговаривать станем...

Пока мужики вытаскивали стол, Середин подпрыгнул, выдернул из толстого одеяла дранки одну дощечку, разломил пополам, срезал ножом уголки с одного конца, соорудив некое подобие большой стрелки. Когда стол выволокли из дверей и опустили на землю, Олег прямо на столешнице нацарапал ножом буквы, старательно вспоминая древнерусский алфавит, чтобы не пропустить ни одной, в углу добавил цифры, на противоположной стороне начертал большие «Да» и «Нет». О том, что хозяин дома может оказаться неграмотным, он особо не беспокоился. На Руси волхвы учили грамоте всех, поголовно. И уж мужчина, уродившийся в мельничьей, а значит зажиточной, семье оказаться необразованным не мог ни при каком раскладе.

– Слушайте меня, – распрямился ведун, закончив работу, бросил стрелку в центр алфавита. – Не знаю, знаком ли вам этот обряд, но прост он, как березовое полено. Мы все встаем в круг и кладем руки на стол так, чтобы они соприкасались. Затем вызываем мельника Творимира. Просто выкликаем по имени. Чем больше людей, тем больше вероятность, что он откликнется – а нас довольно много, мы в его доме, в его власти. Обязан отозваться. Потом я начну задавать вопросы, а хозяин будет стрелкой указывать на буквы, составляя слова. Мы прочитаем, чего он желает, выполним просьбу, и он нас отпустит. Всё очень просто. Подходите сюда, кладите руки. Ладони каждого должны касаться ладоней соседей, иначе круг не сомкнется...

Мужики неуверенно переглядывались, и Середин повысил тон:

– Ну, давайте, шевелитесь! Вы что, хотите тут на всю жизнь остаться? Глядите, как холодает, уже и лошади в инее. Этак жизнь уже к утру закончиться может. Станете сосульками. Давайте, подходите! И девки тоже. Лишние руки только на пользу пойдут.

– Давайте, мужики, – кивнул Захар. – По всему видать, без сего не обойдемся.

Подчинившись старшему, путники стали приближаться, опускать на столешницу мозолистые ладони.

– Руки сомкните, – напоминал Олег. – И стол к земле прижимайте, дабы контакт прочный получался. Кончики пальцев – это для гнилой интеллигенции. Все подошли? Руки сомкнуты? – Ведун сам опустил ладони, коснувшись левым мизинцем руки Захара, а правой – прижавшейся сбоку Всеславы. – Глаза закройте, представьте перед собой мельника. Я-то не знаю, как он выглядел. Представили? Постарайтесь припомнить его во всех подробностях. Творимир, Творимир...

Середин сделал паузу на пару минут, давая людям время восстановить в памяти нужную внешность, сделать ее четкой и осязаемой, наполнить умершим свой разум, нацелить на него свое сознание. Затем плавным заунывным голосом, без лишних эмоций и неожиданных звуков пропел:

– Дух Творимира... Дух Творимира, мы вызываем тебя... Дух Творимира, приди на наш зов... Теперь все вместе зовем тихим голосом: Дух Творимира, приди на наш зов...

– Приди, приди... – послушно забормотали селяне, и Олег увидел, что щепка на столе дрогнула, качнулась со стороны на сторону, чуть подпрыгнула.

– Он нас слышит, мужики, – не меняя тона, предупредил ведун. – Он уже здесь, где-то совсем рядом. Только не спугните, а то спрашивать будет некого. Еще раз все вместе: Дух Творимира, вызываем тебя...

– Дух Творимира... – начали завывать путники.

И тут Олега от кончиков мизинцев к темени словно пробило разрядом тока. В глазах потемнело, в ноздри ударил резкий, непереносимый запах чеснока. Тело свело судорогой, он не

мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни вдохнуть, не выдохнуть. Внутри, от желудка, поползла тошнотворная мерзлота, вызывая и одновременно останавливая рвотный спазм.

– А-а-а! – заорал кто-то рядом.

Всё прошло так же внезапно, как и началось. Середин глубоко вдохнул, качнулся вперед, опираясь на стол, потряхнул головой и... И обнаружил, что стоит один. Селяне разбежались по двору в стороны и таращились на него с явным ужасом.

– Что случилось? – недоумевал Олег. Люди молчали.

– Куда вы разбежались? Почему не у стола? – Никто не отвечал.

– Что случилось? Электрическая сила, да скажите хоть слово!

– Ты... Ты... – попытался ответить Лабута, но сглотнул и замолчал.

– Захар! – Олег нашел глазами старшего. – Хотя ты можешь сказать, что тут случилось, пока я обеспамятовал?

– Ты... – кивнул бородач. – Ты голосом Творимировым заговорил. Ты... Ты...

– Молвил ты голосом мельника, – вступил в разговор Рюрик. – Молвил, что ищешь мести за злодеяния половецкие. И не выпустишь никого, пока тело тебе одного из нас не отдадут. Жертвы хочешь кровавой.

– Вот это да... – Середин внезапно ощутил в ногах сильную слабость, отступил к крыльцу и опустился на ступеньки.

Во дворе наступила тишина – только промерзающие бревна избы и сараев мерно потрескивали, разрываемые каплями воды, что остались в толще древесины.

– Я вот о чем помыслил, дети мои, – наконец подал голос старый Рюрик. – Пожил я уже немало, годы и болезни многие в тягость мне ныне стали. Душа моя радуется, глядя на вас, дети и внуки мои, на плоды трудов многих ваших и моих, но плоть немощна. Счастье мне богами подарено крепость рода своего лицедреть, но пора и честь знать. Нажился. Пусть меня мельник в жертву забирает, а вы живите, дело мое и род наш продолжайте.

– Постой, старик, – покачал головой Середин, – не укладывается тут что-то. Отродясь на Руси жертв человеческих не случалось – так откуда мерзость эта Творимиру в голову могла прийти? И потом, коли он хочет отомстить за половецкие злодеяния, то почему жертву с вас требует, своих соседей? Повтори-ка, Рюрик, чего он просил? Только точно: именно жертву или что иное? Может, не ваших голов, а половецких сюда нужно пару мешков привезти?

– Половцев он поносил хульными словами, то верно, – кивнул старик. – Но жертву с нас требовал, одного из мужей просил отдать.

– Так жертву – или одного из мужей? – уточнил ведун.

– Одного из мужей, – чуть помедлив, подтвердил Рюрик.

– Мужей... – прикусил губу Середин. – Мужей... Дом разграблен, хозяин мертв, но жаждет мести...

– Нет, Рюрик, – мотнул головой Олег, – не возьмет тебя мельник в жертву. Не крови он ищет, но мести. Хочет половцам за набег отомстить, да бесплотен ныне стал. Плоть получить и хочет. В тело мужское воплотиться, разбойников найти и смерти предать. А ты, сам сказываешь, немощен. Нет, старик, от тебя он откажется. Он мужчину для воплощения получить намерен, сильного и здорового. Так я его условие понимаю.

– И кого он выбрал? – пересохшим голосом поинтересовался безусый Трувор.

– Никого, – пожал плечами ведун. – Мельник ваш требователен, но соблюдает меру. Нам думать. Он просто хочет получить мужское тело.

Середин передернул плечами, потер ладони одну о другую, потом растер уши. Судя по всему, настала пора доставать налатник и меховые штаны.

– Ну, тебе беспокоиться нечего, малец, – хмыкнул рыжебородый Лабута. – От вас с Малютой любой хозяин откажется, окромя отца с матерью.

– А от кого не откажется? – спросил Захар.

– Да от тебя, например, – ответил мужик. – Ты хоть ныне и не молод, но крепок и дело ратное ведаешь. От меня, мыслю, тоже отмахиваться не станет. От Оскола... – Лабута указал на угрюмого мужика, что путешествовал на самой задней повозке, рядом с Рюриком, – али от Путяты Козловского. – Путятой звали возницу с самой первой повозки, низкорослого, но широкоплечего, с жиденькой короткой бородкой. – Так чего, мужики, жребий бросать станем?

– Про колдуна забыл, Лабута, – хмуро обратил внимание Оскол. – Он тоже не баба и с оружием, вижу, в ладах.

– Это верно, – поднял голову Захар. – Про колдуна-то нашего мы и забыли.

– Я не колдун... – начал было Олег.

Но старший среди путников тут же его перебил:

– Не тебе ли по ремеслу с нежитью резаться? Вот и режься, ныне есть на ком ремесло показать. Подрядился нас от беды темной выручить – от и выручай, твое это дело, не наше. А мы уж, как водится, за работу тебе отплатим, скинемся на круг. Так, мужики?

– Верно молвишь, Захар, – встрепнулись селяне. – Всё верно. А ну, как и вовсе он в сговоре о колдовстве здешнем? Никогда ране такого у мельника не случилось! Пусть управляется, а там посмотрим, чего ведун стоит! Давай, сполняй ремесло, ведун! Назвался груздем, полезай в кузов.

Выкрики становились всё более угрожающими, и рука Олега невольно потянулась к рукояти сабли, но он вовремя остановился. Чего ради сражаться? Ну, порубает он селян – что изменится? Болото вокруг и мороз на дворе никуда не денутся. Останется погибать вместе с побитыми. Да еще неизвестно, управится ли один супротив всех. Удача ратная переменчива, а щит и бриганта – вон, среди вещей у яслей свалены. Без щита, коли со всех сторон нападают, точно не устоять. И потом... И потом...

– Че орете?! – рыкнул он на мужиков. – Я что, отказываюсь? Кто еще за вас, лапотников, супротив нежити выступит? Мое дело колдовство черное разрушать, сам знаю. Не знаю только, сколько спросить с вас за это. Мельник ладно, а вот за грубость, за обиду точно платить заставлю. Че глотки рвете? Вот уйду сейчас в топь – чего делать станете? Даже жертвы принести не сможете, обалдуи!

Мужики затихли, а ведун поднялся со ступеней и прошелся по двору, прикидывая, что можно сделать в такой ситуации. Отдавать никого из селян, конечно, нельзя. Правы горлопаны – его дело людей защищать, а не откупаться ими перед нечистью. Иначе грех на его совесть ляжет, не ведун он тогда будет, а так, хвастунишка и плут, серебро за пустячные фокусы выпрашивающий.

Как чары со двора снять – неведомо, и тайна эта спрятана в памяти мельника. Не получив обещанной платы, Творимир гостей не пощадит. А значит... Значит, путь один. Пообещать хозяину свое тело, впустить его дух в себя, вместе с памятью, всеми знаниями колдовскими, а там... А там посмотрим, чей дух сильнее окажется.

– Запрягайте, – остановился ведун. – Чтобы потом время зря не тратить. А там и обряд проведем. Меня мельнику станем отдавать. Авось подавится.

Середин прошел к своим вещам, порылся в мешочке с травами и нашел туесок с похожими на мак зернышками белены. Аккуратно отмерил три щепоти, кинул в рот, растер зубами и проглотил. Потом начал седлать коней. Белена начинает действовать минут через десять-пятнадцать, самое позднее – двадцать. Нарушает связь биоэнергетического компонента личности – или, попросту, души – с телом, способствует открытию верхних чакр, не влияя на нижние, расширяя тем самым видение мира, позволяя установить контакт с тонкими материями и невидимыми в обычном состоянии сущностями. В общем, почти полный аналог знаменитого пейотля, за исключением пустяка: если передозировка кактуса вызывает всего лишь понос, то передозировка белены – смерть с вероятностью пятьдесят на пятьдесят. А недозировка – всего лишь жжение в глотке и потерю ориентации. Опаснее белены в русских широтах можно

припомнить разве только цикуту,⁴ стебель и корни которой имеют соблазнительно сладкий вкус и приятный запах сушеных яблок, да бледную поганку с мухомором,⁵ которые вызывают яркие галлюцинации – но только после того, как доза сожранной отравы уже изрядно превысила смертельную.

Уздечка, потник, седло, подпруга... Чересседельная сумка... На чалого – вьюк с запасной одеждой, другой – со шкурой. Сверху, чтобы не натерли лошади спину, – тяжелый мешок с кузнечным инструментом, вьюк с броней... Олег увидел, как спина мерина вздыбилась розовой волной, задышала, как огромные меха. От неожиданности ведун попятился и увидел, как над крышей навеса, вокруг столбов, вдоль стен сверкает серебром странный белесый слой – а снаружи, вне пределов двора, клубится пар, кидаясь из стороны в сторону, сплетаясь в крупные облака, а то вдруг разрываясь на множество мелких, роящихся в вихре шариков, похожих на ватные.

– Разве... Пар так может? – пробормотал ведун и не узнал собственного голоса.

Слова, словно оклеенные наждачной бумагой, выползли из горла медленно, с хрипом и болью. Это означало, что белена подействовала – он теряет контроль над телом и вываливается во внешний, энергетический мир.

– Захар! – попытался крикнуть Середин, но так и не понял, удалось ли произнести слова вслух. Люди вокруг перемещались в светящихся разноцветных капсулах, и различить чье-либо лицо внутри яркой оболочки никак не удавалось. – К столу! Все к столу! Я лягу в центр, а вы сомкнете круг и позовете мельника. К столу!

Толстая серебряная оболочка окружала уже все предметы двора, кроме телег и вещей путников, а потому, щурясь от яркого света, ведун перемещался практически на ощупь, выставив руки перед собой. В новом зрении стол напоминал мелко дрожащий батут высотой с человека, но, наткнувшись на него животом, Олег понял, что столешница по-прежнему находится на уровне бедер. Он наклонился вперед, заполз на стол, перевернулся на спину, облегченно перевел дух.

Далеко в вышине, над тонкой ломкой пеленой, напоминающей полиэтиленовую пленку, порхали белые птицы, одна похожая на аиста, и еще три – крохотные, как куропатки. Еще там сидел какой-то мужчина, в длинной белой рубаше, со свисающей до колен седой бородой. В голове возник какой-то неясный вопрос, но улетучился еще прежде, чем ведун успел осознать, к чему он относится.

Вокруг, играя радужными многоцветными оттенками, начали собираться «коконы».

– Руки сомкните, – попытался сказать ведун, но на этот раз у него ничего не получилось.

«Ладно, – уронив голову, подумал он, – если сами ничего не смогут, завтра снова повторим, как действие белены кончится».

Между тем поверхности коконов сомкнулись, слившись в единый огромный пузырь – он тут же задрожал, ярко мигнул, и от него во все стороны покатила серебристая волна. Почти сразу откуда-то справа возникла серая тень. Она метнулась вниз, под «пленку», совершила несколько витков, а затем начала плавно оседать прямо на Середина. Олег напрягся было, готовясь к отпору, но спохватился и расслабился. Творимира нужно было не прогнать, а поглотить – иначе никак не получится завладеть его знаниями, найти ключ к наложенному на дом проклятию. Впустить в себя – и только потом подавить, смять его волю и энергетику, растерзать душу в клочья, оставив только память; слиться в единое целое – но не потерять ничего от себя, уничтожив полную сущность противника.

⁴ Она же – вех ядовитый, по виду почти неотличимый от съедобного дудчика. Самое неприятное – признаки отравления проявляются только через полтора-два часа после употребления, когда яд усвоен почти полностью.

⁵ Последователям сибирских шаманов следует помнить, что первые признаки отравления этими грибами проявляются только через несколько часов, а смерть наступает через полсутки. Так что выбрать безопасную дозу, исходя из личных ощущений, абсолютно невозможно

Ведун рывком раскинул руки, раскрываясь перед духом мертвеца душой и телом, выгнулся, подставляя проникновению свой живот и солнечное сплетение и одновременно готовясь превратиться в стальной капкан, который захватит и разорвет врага – но с прикосновением серой тени вместо злобы, враждебности и решительности на него вдруг обрушилась тоска. Огромная, неизбывная, нестерпимая тоска, облившая всё тело от пяток до кончиков волос, напитавшая жилы вместо крови, обжегшая кожу смертным холодом, смывшая все мысли и желания, затопившая самую волю к жизни...

От такой нестерпимой тоски и безысходности, от потери смысла своего существования Олегу захотелось умереть.

И настала тьма.

Череп любовника

Зачем теперь жить? Зачем дышать, кого любить? Ради чего трудиться, пахать землю, поднимать хозяйство? К чему это? Зачем?

Дорога медленно напознала, выкатываясь из-за холма, по сторонам потрескивали под напором крепкого ветра сосны. Странно. Зачем всё это теперь? Почему оно осталось? Неправильно всё это. Неправильно.

Прожужжавшая в воздухе крупнокалиберной пулей зеленая навозная муха на всей скорости врезалась в щеку – Олег невольно вскинул ладонь, хлопнув себя по лицу, и опять опустил руку на луку седла. Узкая колея, поджатая толстыми, вековыми соснами, повернула влево, огибая огромный замшелый валун, да так и потянулась через склон наискосок, делая спуск не таким крутым, как откос возвышенности. Середин на всякий случай чуть подтянул поводья, чтобы гнедая не разгонялась. Потом поднял руку, вглядываясь в ладонь – пока наконец не осознал: да, это его рука! И его кобыла, и его тело, и вообще – это он, целый и невредимый! Только непонятно где находится.

– Электрическая сила! – охнул он, закрутив головой.

Телеги катились позади, всего в нескольких шагах. Ведун натянул поводья и повернул голову к обозу:

– Захар! Что тут произошло, пока я в беспамятстве был?

Путята на передней повозке и его напарник, парень лет двадцати, хором взвизгнули, Захар с сыном от неожиданности подпрыгнули на облучке.

– Ты? – утробным голосом спросил старший. – Ты это? Ты кто?

– Это я, Олег, ведун. Проснулся – и в седле себя увидел. Что тут было без меня?

– Ты это... – Вытянув за шнурок висящую на груди ладанку, Путята зажал ее в кулаке. – Ты, как мы тебя окружили и мельника позвали, завыл страшным голосом, потом вскочил, землю начал рыть руками. Ну, у навеса, у края провалившегося...

Волна смертной тоски ударила откуда-то изнутри, сметая разум, и Олег с полной ясностью вспомнил, как поднимался от мельницы – и вдруг услышал ржание, крики. Мужские, громкие, угрожающие. В первый миг к Светлане кинулся с детьми, но спохватился, к кустам отвернул и в них затаился, сквозь ветви за домом наблюдая. Не побоялся – вспомнил, что схрон тайный во дворе вырыт. Спрятаться туда быстро, а ворота крепкие, быстро не сломаешь.

Распахнулась задняя калитка, из нее высунулся мужик с тонкими усиками и клочком волос на подбородке, в кожаной куртке, штанах и мягких сапогах. Степняк, половец. Потом еще несколько вышли в загон, поймали бегающих там трех кабанчиков, сноровисто обмотали им ноги. Половцы, точно половцы. Их повадки, их одежды. Опять послышались крики – но женских или детских среди них не различалось. Успела, стало быть, Света с малыми спрятаться...

«Или убили?» – пульсировала ужасная мысль.

Наконец послышался топот, голоса стали удаляться. В наступившей тишине он выдержал еще немного, потом ринулся к дому, влетел во двор:

– Света, Светлячок? Ты где? Как ты? Света, отзовись!

Он увидел покосившийся навес, и сердце стукнуло через раз – как раз под ним, возле угла, и делал он схрон. Чтобы скотина все следы тайника быстро затоптала, чтобы сено крышку сразу засыпало, как домашние влезут. Олег кинулся вперед, раскидывая сухую траву, краем глаза увидел пойло, опрокинутое аккуратно на тайный продых, прикрытый двумя гнилыми жердинами, разгреб опилки, подцепил пальцами край доски, рванул наверх – и тут же увидел ее, Свету, с темным лицом и неподвижными открытыми глазами. Она прижимала к себе Милену, тоже тихую, уронившую крохотные ручки. Ниже, из-под осыпавшейся земли, было видно лицо

Вторуши, рядом сидел, привалившись к стенке, Ахон, тоже наполовину заваленный еще не слежавшейся глиной. Задохлись... Все задохлись... И так схрон крохотный совсем был, да тут еще продых залили, обвалилась половина. Задохлись все, таясь, пока вороги уйдут. Никого больше нет...

И опять волна такой непереносимой, смертной тоски и безнадежности захлестнула ведуна – завыл он, как волк голодной зимой, поднялся, выскочил со двора, сдернул пояс, влез на нижние сучья березки, на которой еще колыхались завязанные Светланиной рукой ленточки, перекинул через ветку, что на пару сажений над землей вытянулась, наскоро затянул узлы, сунул голову в петлю и прыгнул вперед... Середин дернулся столь яркому впечатлению, мотнул головой, переводя дух.

– ...Свету и малых разрыл, на поленницу вынес... Ну, ту, что из дров была, положил сверху, да и запалил. Дорога-то уж появилась, мы потихоньку и поехали. Но ты вскорости догнал.

– Догнал, – сглотнул Середин, отер тыльной стороной ладони лоб. Рука стала влажной – похоже, пот пробил его изрядно, впору всю одежду на сухую менять.

Теперь ведун начал понимать истинный смысл случившегося. На двор мельника налетели половцы. Сам он в это время у реки трудился, но семья, пока незваные гости ворота ломали, успела в схрон спрятаться. Вот только вентиляция залита оказалась, и пока степняки грабили дом... Им не хватило воздуха. Потом вернулся Творимир, увидел мертвую семью – жену любимую, детей, не выдержал и повесился на первом же дереве. Его можно понять. Как можно понять и чувство, которое возникало у людей, увидевших Хатынь, Сонгми, Бабий Яр – жажду мести. Жажда любой ценой отомстить сотворившим это нелюдям. Вот только к тому времени, когда жажда мести пробилась в душу мельника сквозь боль утраты – Творимир был уже мертв. Но он, как всякий мельник, владел кое-чем из тайных знаний. И нашел способ исполнить желание.

Не объясняли все эти события только одного: почему конем сейчас правит Олег Середин в здравом уме и ясной памяти, а не хозяин разоренного двора мельник Творимир?

Дорога между тем спустилась к подножию холма, выскользнула из-под сосен на свежеспаханное поле – и впереди открылся многокилометровый простор, ограниченный темной полосой леса у самого горизонта. Посреди этого простора, словно центр Земли, темнел обнесенный частоколом поселок. Телеги покатались быстрее, обгоняя едущего шагом всадника – лошади наконец-то почуяли близость отдыха, тепло уютных конюшен, окончание долгого пути.

– Только молчи, Лабута! Перуном-громовержцем тебя заклинаю: молчи! – громко предупредил Захар.

– А я что, я молчу, – отозвался рыжебородый. – Токмо щей очень хочется.

– Глянь, Путята, никак дымок у тебя за овином? – углядел Малюта. – Не иначе Лада твоя баню топит!

– А тебе и завидно? – хмыкнул мужик. – Лада баба справная, не то что бесовки нынешние. Ни кожи, ни рожи, гонору и в сарай не запихнуть, а вместо работы токмо языком молоть способны. Тебе такой, как женка моя, вовек не сыскать, воробей.

– А чего это у ворот башенка белая вся? Куда старая-то подевалась?

– Может, сожгли? – неуверенно предположил Путята и тряхнул вожжами: – Н-но, пошла!

– Половцы у Творимира побывали, – запоздало сообразил Захар. – Не иначе как и сюда дошли. Дорога-то прямо сюда показывает!

Мужики, заволновавшись, принялись погонять лошадей, и обоз помчался к Сураве с такой скоростью, что Олегу пришлось перейти на рысь, чтобы не отстать. Вперед он, впрочем, тоже не рвался. Коли деревня захвачена чужаками, то вместо щей и бани легко можно на стрелы и рогадины напороться.

К счастью, при приближении обоза ворота отворились – навстречу, едва не под колеса бросаясь, выбежали с радостными визгами бабы, дети, кинулись обнимать мужиков, стаскивать их с облучков. После первых объятий Захар спросил:

– Половцы налетали? – Веселье стихло.

– Были, были, – с разных сторон подтвердили оставшиеся в деревне мужики. – О прошлой неделе налетели, ако вихрь. Да Титок, молодец, углядел вовремя. Крик поднял, ворота запахнул, стрелы начал метать. Душегубы степные в ответ чуть постреляли, а опосля с другой стороны пошли, веревки на тын бросать начали. Один было перелез, однако же дед Славен на косу его взял. Они к воротам повертались, постреляли. У Титока стрелы кончились, он и слез. Тут половцы терем огнем закидали. Однако же дождь был, не разгорелся намет, токмо сверху обуглился. Мы на то время уж ушли, почитай. Ну, тати опять веревок покидали, перелезли тын, ворота и отперли. Влетели. Пограбили маленько, чего мы взять не успели. День и ночь стояли, и еще половину дня. Скотины кое-какой увели, погреба твой и дедовский нашли. Однако же мало чего взяли. Дом кумовской со зла запалили, однако же не перекинулся огонь, моросило тоды весь день...

– Споймать никого не поймали?

– Дир на возке с лесу с жердями аккурат ехал. Ну, как увидел половцев, так спрыгнул с телеги да к болоту побег. Там, у воды и схоронился как-то, не нашли. Токмо возок с мерином забрали. А Белоус пахал как раз. Не успел убежать. И его, и малого, что помогал, повязали...

Тут Олег почувствовал, как изнутри, сметая преграды, выхлестывается тоска, и, теряя сознание, успел только услышать собственные слова:

– На пиках этим змеям поганым токмо место...

* * *

– ... всех, всех резать надо! До змееныша последнего, до самого семени!

Тоска постепенно сменялась страшной усталостью. Еще не владея своим телом, словно отнявшимся после сна в неудобной позе, Олег заметил, что уже не сидит верхом, а стоит на утопанной площади между двумя добротными домами с выгороженными вокруг каждого небольшими огородами и загончиками, в которых жалобно блеют овцы. Впереди открывался вид на сочно-зеленый луг, в котором по бесчисленному количеству черных луж, местами сливающихся в целые озера, ведун без труда угадал болото. Топь тянулась километра на полтора, дальше виднелись кроны деревьев.

– Твари подлые! Гнусное отродье Коровьей Смерти! Резать, только резать, нового не ждать! – в последний раз выплюнул он слова ненависти и замолк.

– У него половцы жену и трех малых задавили, – услышал он сочувственный шепоток, глубоко вздохнул и пошел вперед, к пахнущей гнилью вязи, уселся на одно из сваленных на берегу бревен, глядя на болото и постепенно приходя в себя после нового возвращения.

– Боль твоя велика, мил человек, тут утешить нечем, – опустился рядом с Олегом какой-то старик. – Боги не всегда успевают уследить за бедами смертных, а порой сами насылают на них испытания. И потом, кто знает, может, делом сим Мара от куда более страшной беды родных твоих уберегла? От рабства, от мук в неволе тяжкой. Такова жизнь наша, что не токмо радости, но и беды, и горе приносит. Токмо младенцы сей мир покидают, горечи нимало не испытал. Мы же, мил человек, обязаны и невзгоды переносить со стойкостью, как русскому мужу делать это надлежит.

Середин понял, что просто одетый, в поношенной домотканой рубахе и валяных штанах старик – это местный волхв. А может, только обязанности волхва исполняет. Маловато селение для большого святилища, в котором служителю постоянно дело найдется.

– Настанет час, мил человек, изопьешь ты чашу безжалостной Мары, перейдешь Калинов мост. И увидишь любимую свою, чад драгоценных узришь. Однако же пока ты землю сырую топчешь, долг на тебе. Долг пред отцами и дедами, и прадедами твоими, что кровью и потом землю русскую поливали, что защищали ее от врагов, что хлеб на ней растили, Дома поднимали, богов наших славили. Пред ними ты в долгу, их предать не должен. Не для того они столько сил и животов положили, чтобы оскудела земля, опустела, обезлюдела. Чтобы пришли иноземцы проклятые ее сапогами своими топтать. Как потом родичам станешь в глаза смотреть, что сам на отчине своей узреешь? Долг на тебе, мил человек. Не должен ты допустить, чтобы род твой прервался, чтобы нить живая, что от радуниц, от Сварога тянется, на тебе окончилась. Должен ты детей родить и вырастить, землю свою им из рук в руки передать. Токмо тогда можешь о смерти думать.

«Японский городской, – покачал головой ведун. – Похоже, волхв думает, я к болоту топиться пришел!»

– Знаю, ныне тяжело тебе, ни о ком ином мыслить не можешь. Не торопит тебя никто, мил человек. Однако же и о долге своем забывать тебе нельзя. Не предавай свою землю, отцов не предавай. Оставь отчине после себя новых защитников и тружеников. Пойдем отсель. Коней твоих отрок мой удерживает, они тоже заботы твоей ждут.

– Не беспокойся, отче. В омут не кинусь.

– А я и не боюсь. Да токмо ныне ты не желаешь и вовсе ни в чью сторону глядеть, а час минует иной – баловница какая заворочит тебя, обманет. Пойдем.

«Мавка! – вспомнил Олег, зачем с самого начала понесло его в эту сторону. – От мавки волхв бережет. И то верно, неча без дела сидеть. Чай, не клуша, цыплят не высижу».

– А скажи, отче, – поднимаясь, поинтересовался он. – Слышал я, кузнец у вас недавно за Калинов мост ушел. Нельзя ли на мастерскую его глянуть? Подковы бы мне на конях проверить. Давно не смотрел, как бы не потерять.

– То к вдове его, Людмиле, идти надобно. Ну, да я провожу, поручусь. Тебя, вижу, доброму люду бояться ни к чему.

– Это верно, – согласился Олег, – людям меня бояться ни к чему.

Насчет мавки он тоже пока был неуверен. Можно, конечно, хоть сейчас охоту на нежить болотную начинать – но вдруг в самый рискованный момент опять тоска накатит? Очнешься потом в омутке под камушком – большая радость. Дом сгинувшего в болоте кузнеца стоял почти у самого тына, возвышавшегося на высоту почти пяти метров и подпертого изнутри через каждые шесть-семь шагов мерными бревнами. А кузня, которую нетрудно было узнать по низкой закопченной трубе, широким воротам, закрытым лишь кожаным пологом, и утоптанной земле перед ней, находилась и вовсе на срезе воды. Оно и правильно – чтобы искры при огненной работе больше не на постройки, а к воде летели, да и тушить в случае чего проще. Кузни, известно, гореть ох как любят! Куда чаще овинов, которыми только по осени и пользуются.

Отворив низкую калитку, старик вошел во двор между сараем и домом-пятистенком, Олег сразу двинулся к мастерской, а мальчишка, что удерживал под уздцы чалого и гнедую, остался на улочке, не зная, за кем поворачивать.

В кузне было холодно. Непрерывно горящие угли всегда распространяли вокруг железоделательной мастерской деловитый жар, а потому именно холод сразу же резанул Середина по живому. Как мертвая мастерская – хоть похороны начинай. Груда дров занимает почти всё место – видать, уже вместо сарая эту постройку использовать начали. Горн сложен из валунов размером с голову, скрепленных глиной. Некоторые из камней успели растрескаться, но печь пока что была вполне работоспособной. Меха из сыромятной кожи – похоже, из коровьей шкуры сшиты. Тоже не принципиально – коли расползется, заменить несложно. Однорогая наковальня, насаженная на дубовый чурбак, валялась у самой дровяной кучи, опрокинутая набок. Интересно, почему ее половцы не уволокли? Тяжелая, что ли, оказалась? Инструмента

на стенах никакого, хотя к стене прибито три ряда ремней с ячейками для ручников, пробойников, оправок, клещей. Это всё степняки унесли, не поленились.

– Вот, Людмила, гость наш.

Середин повернулся на голос и увидел рядом со стариком высокую женщину лет тридцати с серым лицом, впалыми щеками и глазами цвета перепревшей листвы. Волосы были спрятаны под платок, зуботканое платье обходилось без каких-либо украшений.

– Мыслю я, уходить ему некуда. Может, на постой пока возьмешь?

– Отчего не взять, коли община хлеба да мяса подкинет? – пожала плечами хозяйка. – Коли сам, конечно, с другим кем не сговорился.

– Не сговорился, – покачал головой ведун. – Олегом меня мать назвала.

– Вот и уладили, – кивнул старик, хотя о цене за постой разговор пока даже не начинался. – Я Мишке велю на двор лошадей завести, к конюшне. У тебя ведь, Людмил, токмо мерин ныне остался.

– Пустая конюшня, – согласилась женщина, – пусть заводит. Одинца покличьте, он коней примет.

– Наковальню, смотрю, половцы уволочь не смогли? – вернулся к своей теме Середин.

– Не нашли. Мы с детьми, как на гать бежать, опрокинули ее к стене, да дров накидали. Криницы и обломки всякие там же лежат. Но коли сбоку смотреть – так токмо пень и видно. А раскидывать кучу степняки поленились. Видно же, берег низкий, вода рядом. Схрона не вырыть.

– Вот, значит, как...

Олег отбросил к стене несколько поленьев, нашел ямину с ровным дном, оставленную осевшим в глину под бесчисленными ударами чурбаком, потом взялся за наковальню, поднатужился, поднял с земли. Наклонив, подкатил к яме, опустил на старое место. Прикинул, как проще заготовки из горна на рабочее место перекладывать, немного повернул.

– У Беяша аккурат так же стоял, – вздохнула женщина и пошла к дому.

– Постой, Людмила! – заторопился следом Олег. – А инструмент остался или пропал?

– В схроне остался, – вздохнула хозяйка. – К чему его сюда тащить? А ну, половцы опять налетят али мордва подступит? Что осталось, и то пропадет...

– А уголь есть?

– Мешков десять еще на чердаке лежат. Муж еловый любил пережигать. В работу ель брать не любят, гниет быстро, да еще смолистая больно. А для угля – в самый раз.

– Попользоваться маленько можно?

– Тебе-то зачем?

– Подковы на конях посмотреть хочу. Может, поправить чего придется? А инструмент у меня есть. С собой вожу, который полегче.

– Пользуйся, коли умеешь. Мне-то от него пользы никакой. Печь им не протопишь. Муж сказывал, без поддува не горит.

– Это верно, не горит, – согласился Середин. – Так тогда принесу мешочек-другой?

– Бери.

Однако потрудиться в этот день ему так и не удалось. Пока он перетащил с чердака в кузню несколько дерюжных мешков с легким, как хворост, углем, расчистил помещение от поленьев, приготовил инструмент, уже начало смеркаться, и разжигать горн не имело никакого смысла. К тому же хозяйка позвала его ужинать, выставив к каше еще и крынку густого и тягучего хмельного меда. После такой трапезы глаза стали слипаться, и ведун, забравшись на полати, сработанные под самым потолком, на указанное Людмилой место, мгновенно провалился в сон.

* * *

Возле плотины, раздвигая упавшую в воду хлебную корку, крутилась сибилья мелочь. Рыбешки, коли завялить их, али закоптить ведерко, вкусные – да только по одной таскать замучишься. Коли ловить, то косынкой частой надобно, чтобы уж вытянуть – так всю стаю. Он кинул в воду еще корку, улыбнулся появившейся мысли – ведь и вправду, давненько он рыбы у мельницы не ловил! А малышня зимой сушеных сибилков куда радостней, нежели даже семечки щелкает. На мед и то так не налегает, когда Свега дает. Он повернул голову, убедился что колесо крутится мерно, ничто ему не мешает, зашел в сарай, сыпанул в ворот жерновов с полмешка гречи, затем потрусил вверх по тропинке – и вдруг услышал от дома мужские выкрики.

Он знал, помнил, чем всё это кончится – но спрятался в кустарник, надеясь на лучшее. А когда голоса стихли, побежал ко двору, в душе надеясь, что всё это – сон, всего лишь сон. Что сейчас он проснется, и окажется, что ничего подобного не было, что Светлячок его жива, лежит рядом, улыбаясь и поглаживая мужа по груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.